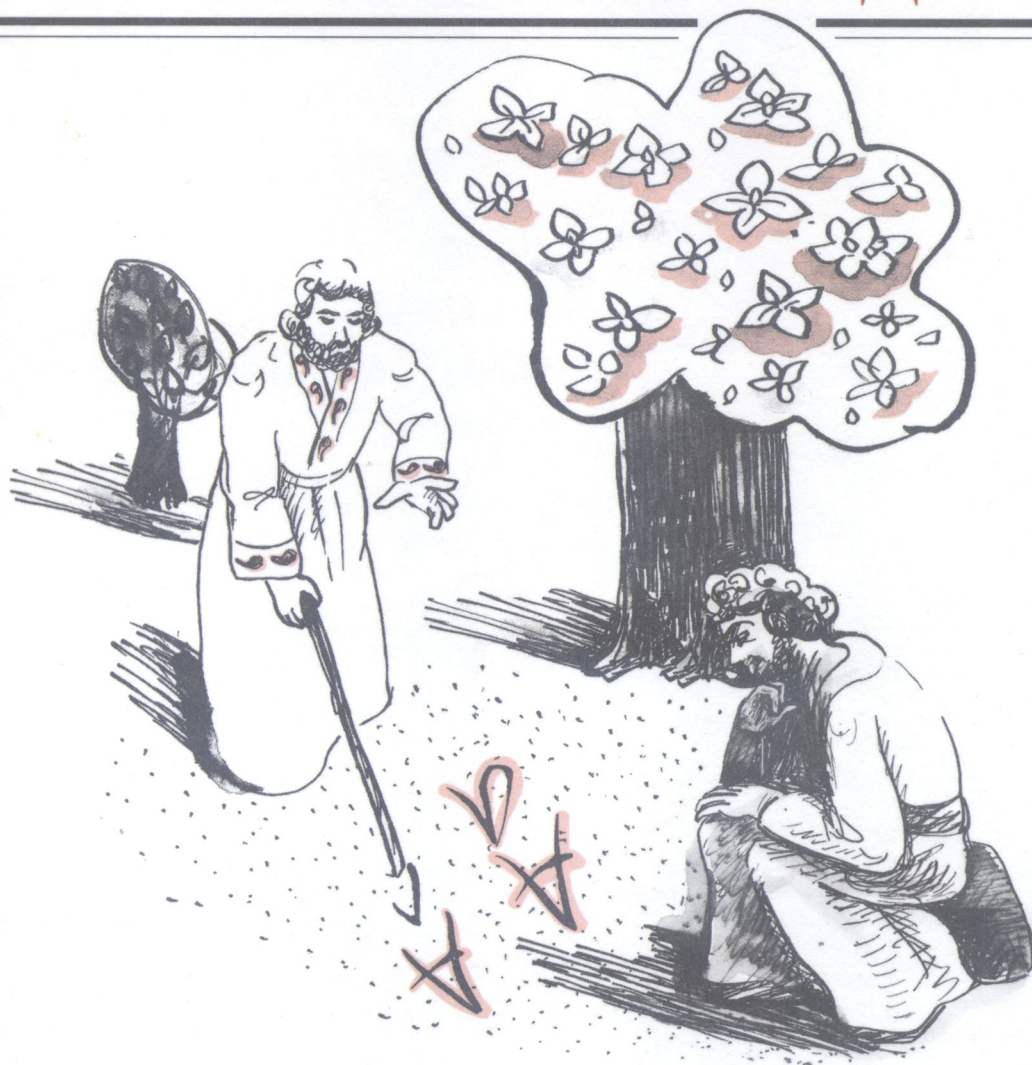

Т В О Й К Р У Г О З О Р

В. М. Воскобойников

ЗАВЕТ Кирилла и Мефодия

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

ЗАВЕТ Кирилла и Мефодия

В. М. Воскобойников

ПРОСВЕЩЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т В О Й К Р У Г О З О Р

В. М. Воскобойников

ЗАВЕТ
КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

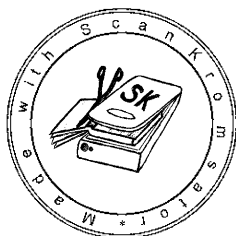
Иллюстрации Ю. С. Сметаниной

М О С К В А
«П Р О С В Е Щ Е Н И Е»

2 0 1 0

УДК 087.5:81
ББК 81
В76

Серия «Твой кругозор» основана в 2007 году

Scan AAW

Воскобойников В. М.

В76 Завет Кирилла и Мефодия: [для ст. шк. возраста] / В. М. Воскобойников; ил. Ю. С. Сметаниной. — М. : Просвещение, 2010. — 144 с. : ил. — (Твой кругозор). — ISBN 978-5-09-020409-5.

Великие просветители и проповедники христианства братья Кирилл и Мефодий почитаемы в разных странах. Созданные ими азбука и письменность способствовали развитию и укреплению культуры славянских народов, их национального самосознания и стремления к независимости.

**УДК 087.5:81
ББК 81**

ISBN 978-5-09-020409-5

© Издательство «Просвещение», 2010
© Издательство «Просвещение»,
оформление, дизайн серии, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Константинополь	7
Часть вторая. Славянские письма	91

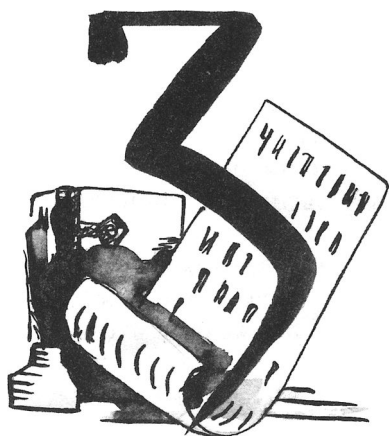
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Константинополь

ПРИЕЗД

десь все было пыльным: головы людей, конские попоны, огороды и виноградники по бокам дороги.

Несколько недель стояла жара, серую землю покрыли трещины.

По древней византийской дороге двигалась группа всадников. Четверо пожилых мужчин в одеждах слуг сопровождали болезненного мальчика лет четырнадцати.

Дорога была многолюдной. Порой их обгоняли другие всадники в богатых шелковых одеждах. Иногда, наоборот, они обгоняли крестьянские повозки, запряженные парой быков прямо за рога.

«Взгляни на слугу, и ты скажешь, кто его господин», — говорила старинная пословица.

Эти слуги выглядели побогаче иных господ. К тому же были они вооружены на случай встречи с лихими людьми. С важностью, с достоинством оглядывали они встречающих путников.

Мальчика встречные не интересовали. Лицо его было задумчиво, пе-

чально. Хотя одет он был в дорожный плащ из дорогого шелка с красивой застежкой — фибулой, а при взгляде на его коня многие завистливо качали головой, не было в его осанке вельможной гордости. Следом за этой группой, отстав на полсотню шагов, двигался рослый парень. Громко, сам для себя, он распевал веселую песню, один и тот же куплет повторил он уже множество раз. Сопровождающие ему были не нужны, рубаха-хитон из грубого полотна, заправленная в пыльные штаны, — вот и все, что было на нем. Встреч с лихими людьми он не боялся, скорее лихой человек испугался бы, встретившись с таким здоровяком один на один.

К группе всадников он не приближался, хотя двигались они одной дорогой к великому и счастливому городу, оку земли, царю городов и солнцу империи — к Константинополю.

Уже видны были его крепкие каменные стены, а за стенами — знаменитые на весь мир дворцы и храмы.

В большом пруду женщины полоскали белье. Всадники проехали мимо них равнодушно, парень же приостановился, крикнул что-то веселое, получил в ответ шутку и лишь затем двинулся дальше.

Но теперь остановились всадники. Слуги достали сосуд с водой, юноша отпил несколько глотков. Парень, совсем уже приблизившись, облизнулся.

— Эй, добрый господин, не оставишь ли и мне глоток-другой?

— Проваливай, пока плети не попробовал, — сказал старший слуга.

— А чего это ты такой важный? — Парень засмеялся в ответ и пошел вперед.

— Подожди! — позвал неожиданно мальчик. Он взял из рук слуги сосуд и протянул парню. Парень победно взглянул на слуг, запрокинул голову и в несколько глотков выпил всю оставшуюся воду.

— На таких только добро переводить, — проворчал старший слуга с заметной укоризной в голосе.

Парень сделал вид, что этого не услышал. Он вернул сосуд, еще раз улыбнулся юноше и сказал:

— Спасибо, господин, может, и я когда-нибудь тебя отблагодарю.

По деревянному мосту всадники проехали над широким рвом и подступили к Золотым воротам — главному входу в город со стороны суши.

Ворота были украшены прекрасными скульптурами, среди них выделялись статуи Геракла и Прометея. Через центральный пролет проезжал лишь сам император, остальные входили в город через два боковых прохода. Всадники миновали первый ряд кирпичных стен высотой в пять метров, затем шел второй ряд стен высотой в десять метров, а за ними и третий ряд — самые мощные стены семиметровой ширины. По ним можно было водить строем воинов.

Это были знаменитые защитные стены, оборонявшие город со стороны суши.

Теперь начиналась широкая, мощенная каменными плитами главная улица города.

Трехэтажные здания, украшенные статуями, колоннами, стояли на ней. Первые этажи занимали лавки. У дверей сидели владельцы, громкими выкриками зазывали прохожих.

Всадники ехали сквозь пеструю и шумную уличную толпу так же молча и важно.

Лишь юноша выглядел слегка смущенным. Было заметно, что он боится отстать, затеряться среди прохожих.

Они пересекли несколько площадей. На одной стояла огромная бронзовая скульптура быка. Площадь так и называлась — площадь Быка. Внутри скульптуры была печь, в ней сжигали самых страшных преступников.

Они проехали и форум Константина — знаменитую, вымощенную мраморными плитами, украшенную колоннами и триумфальными арками площадь с высочайшей колонной Константина Великого в центре, миновали Милий — здание под куполом, от которого вели отсчет расстояниям по всем константинопольским дорогам. Наконец они свернули к богатому зданию. Здесь жил логофет Феокист — главный министр царя Феофила и его наследника, четырехлетнего Михаила.

Дворец был построен из разноцветного мрамора, с галереями, башнями, с высокими окнами, разукрашенными каменной резьбой.

Вокруг дворца росла небольшая роща платанов с уютными беседками и бассейном. За рощей были бани, конюшни, дома прислуги.

Здесь, в этом дворце, полном роскоши и покоя, ждали юношу. Для него уже готовилась вечерняя пища, постель.

Веселый бродяга давно отстал от всадников. С главной улицы он свернул и зашел в один из кабачков. Таких кабачков в Константинополе было множество. Там сидела шумная компания гуляк — небогатые рыбаки да поденные рабочие. У пришельца денег не было, зато на столе у гуляк стояли вино, рыба и овощи.

Скоро он стал своим в компании. Вместе со всеми громко хохотал и хлопал рукою по столу в споре.

Город незаметно темнел, прохожих становилось меньше. Но в кабачке было все так же шумно, дымно и весело.

Чтобы пьяные гуляки не мешали покою горожан, к часу ночи кабачки полагалось закрывать — так постановили власти.

Только выйдя из кабака, беззаботный парень подумал о ночлеге.

— Лягу-ка я, пожалуй, у дверей, — сказал он.

— Здесь нельзя, — стал отговаривать его собутыльник, который стал уже лучшим другом. — На прошлой неделе один такой лег, ему голову отдавили.

— Тогда я к тебе пойду, — не стал спорить парень.

Они прошли по узкой смрадной улице. Она казалась ущельем среди высоких домов. По деревянной скрипучей лестнице они поднялись на третий этаж в узкую каморку.

В маленькое окно светила луна. Парень огляделся: комната была пуста — лишь затертая циновка у стены.

— Ты гость, ложись где помягче, а я — в углу, — предложил хозяин.

Они немного поспорили, кому где спать, так что в стену им недовольно постучали соседи.

Наконец парень силой уложил хозяина на циновку, а сам улегся на голом полу поперек комнаты. Он потянулся, зевнул громко и медленно заснул.

Юношу, которого ждали во дворце, звали Константином. И никто не мог предположить в тот вечер, что пройдет немного лет, и откажется он от богатой, знатной жизни, сам выберет себе другую, полную тревожных поисков, ночных терзаний и великих дневных трудов. А перед смертью сменит имя, назовется Кириллом.

Беззаботного пришельца, заснувшего на полу в нищенской каморке, звали Василием. Любой бы засмеялся тогда, в июньский вечер 842 года, услышав, что этот славянин из Македонии, крестьянский сын, выросший в болгарском плену и недавно сбежавший оттуда, взойдет однажды на императорский престол, и ему, как живому богу на земле, станут поклоняться самые знатные и великие люди государства.

ВИЗАНТИЙ и КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Отступление

Знатный мореход и умелый полководец Визант основал этот город и назвал его Византием. А произошло то событие в 660 году до новой эры. Так говорят древние историки. Богатые леса, рыбные воды, плодородные земли нравились строителям города. Холмистый мыс, похожий на голову орла, омывался с трех сторон морскими волнами. В длинном узком заливе Золотой Рог во время шторма купцы-мореходы прятали свои суда. Оконечность мыса стремилась соединиться с Азией. От Азии отделял лишь неширокий, с бурным течением пролив Босфор. С третьей стороны шли берега Мраморного моря — Пропонтиды. Там тоже были удобные гавани, богатые земли.

Ни один корабль, идущий главным торговым путем из Средиземного моря в Черное, не мог миновать Византий, и все платили городу дань.

Город хлебопашцев, мореходов и рыбаков быстро разбогател, стал знаменитым на весь эллинский мир.

Но через восемь веков войска римских легионеров после трехлетней осады разрушили его.

В 324 году произошло новое рождение города.

Римский император Константин Великий решил построить на месте древнего Византия столицу империи — Новый Рим.

Он взял копье и во главе торжественной процессии прошел от Золотого Рога вокруг холмов Босфорского мыса к Пропонтиде, прочерчивая на земле границу будущего города.

Затем император приказал доставить в столицу известных архитекторов, скульпторов, каменотесов и плотников. Тем, кто селился в новом городе, он повелел выдавать бесплатно хлеб, масло, вино и топливо.

Лучшие скульптуры из Афин, Коринфа, Рима, Дельф, Эфеса и прочих мест свозились на кораблях в новую столицу.

11 мая 330 года Константин отпраздновал открытие Нового Рима. Скоро город стали называть Константинополем — городом Константина.

В 395 году после деления великого Римского государства Константинополь стал столицей Восточной Римской империи.

Западную столицу — Рим грабили войска остготов и гуннов, а в 476 году был свергнут и последний римский император — Ромул.

Восточная Римская империя жила счастливо.

О роскошных дворцах и храмах ее столицы, о сотнях кораблей в гаванях, о мощных водопроводах и хранилищах воды разносились легенды по всему миру.

Сирия, Палестина, Египет, Фракийские земли были ее провинциями.

Страна по-прежнему называлась государством ромеев — римлян. И граждане независимо от происхождения именовали себя ромеями. А правил ими земной бог, царь всех ромеев, василевс.

Постепенно, после того как пророк Мухаммед объединил воинственные арабские племена, территория государства ромеев стала сужаться. Уже и Сирия, и Палестина, и Египет перешли в арабское владение. А плодородные земли Фракии и Македонии заняли славянские народы.

В государстве ромеев, пожалуй, меньше всего было римлян. Славяне, персы, армяне, хазары и готы оседали на пустующих землях вокруг греческих городов и селений, становились гражданами страны, выращивали хлеб, маслины и виноград, строили города и охраняли императорские дворцы.

На границах войска василевса вели постоянные жестокие войны с различными государствами и кочевыми ордами.

А во всей Европе продолжали восхищаться самым роскошным и самым прекрасным городом, глубокой образованностью и изящным воспитанием его жителей.

СМЕРТЬ ЦАРЯ ФЕОФИЛА

огофету Феоктисту, министру иностранных дел и всех путей великой Византийской империи, а также хранителю государственной казны, не хотелось идти во дворец.

Несчастье было тяжким, оскорбительным, но доложить о нем полагалось царю Феофилу немедленно.

Совсем недавно ликовала страна и столица.

Василевс ромеев, царь Феофил, победоносно закончил войну с арабами. Много было трофеев, пленных. Даже маленький город Запетра, родина самого халифа, был razoren и срыт до основания. Вернувшись из похода, царь повелел отпраздновать триумф и на столичном ипподроме перед празднично одетым народом показался в колеснице, запряженной четверкой прекрасных белых коней.

Только рано радовался царь Феофил. Он был доблестным воином, умным и образованным императором, но откуда ему было знать характер багдадского халифа.

Халиф из месяца в месяц терпел поражения от византийских войск, но оскорбления вытерпеть не мог.

Он объявил царю — василевсу ромеев Феофилу кровавую месть, поклялся разорить его родной город.

Он собрал сто тридцать тысяч лучших воинов и повел их на величавую крепость Аморий — родину царской фамилии.

55 дней гарнизон крепости отражал осаду. 55 дней тревожно жил царский дворец. И лишь измена помогла врагам.

Вчера перед закатом солнца в дом логофета явились два шатающихся от усталости, пропыленных вестника, с лицами, почерневшими от горя.

Халиф приказал разрушить все дома в родном городе царя, и нет там теперь ни стен, ни церквей — лишь большое голое поле из битого кирпича. Тридцать тысяч защитников и жителей города были перебиты, остальные проданы в рабство.

— Передайте своему царю, что я наконец заплатил ему долг, — сказал халиф, отпуская двух воинов на свободу.

Логофет Феоктист начинал день рано.

Едва рассветало, как в комнаты его являлся цирюльник. Цирюльник был свой, из слуг, он жил при доме.

Потом приносили легкий завтрак: хлеб с солью, оливки, сыр. Он запивал еду молодым вином из чаши, иногда брал немного меда.

После завтрака он принимал доклады слуг и главных своих чиновников, отдавал распоряжения на день.

У ворот его уже ждали чиновники помельче, разные просители.

В окружении нескольких телохранителей и дожидавшейся его толпы он отправлялся через главную площадь города, Августеон, на ипподром ко входу в Палатий — императорский дворец.

Там на большом поле ежедневно собирались группами сановники царства для утреннего приема. Был здесь со своей свитой и епарх — градоначальник Константинополя.

В городе шутили, что важным чиновникам заниматься делами империи не обязательно, за них сделают все их служащие, зато обязаны они ежедневно являться на утренние поклоны к царю да показываться в императорской свите по праздникам — в этом и состоит их государственная служба.

По безрадостным лицам на ипподроме Феоктист понял, что ужасная весть обошла всех. Лишь царь не ведал пока об этом.

Большой императорский дворец занимал огромное пространство между ипподромом и Босфорским мысом, омываемым водами Пропонтиды. Один за другим императоры пристраивали к нему новые здания. Императорская гвардия, многочисленная челядь, родственники царской семьи — все могли поместиться за стенами Палатия. Дворец окружали роскошные парки, в тени деревьев бродили птицы редкой красоты.

В начале седьмого папий — евнух, заведующий дворцом, — вместе с начальником дворцовой стражи отпирали одну за другой все внутренние двери. Папию подчинялось множество людей — мыльщики, ламповщики, истопники, часовщики, специальные служители на каждый зал. Был у папия помощник — тоже обязательно евнух, его называли девтером — вторым, он заведовал царскими тронами, всей царской одеждой. Это были знатные люди во дворце, и держались они высокомерно.

Наконец двери распахнулись, и логофет Феоктист первым ступил во дворец.

— Что Аморий? — шепнул ему папий. — Неужели правда?

Логофет молча кивнул.

Пока чиновники размещались по залам, дежурные спальники принесли широкую тунуку и разложили ее на скамье перед серебряной дверью. Эта дверь вела во внутренние покои царя.

Наконец папий ударил по ней три раза, и дверь немедленно распахнулась. Спальники внесли тунуку царю, царь облачился и вышел в золотую палату.

Там на возвышении стоял царский трон — великолепное массивное сидалище. На троне царь сидел лишь по торжественным дням. Слева от трона стояло кресло, обитое пурпурным шелком, в него царь садился по воскресеньям.

Этот день был обычным, будничным, и царь сел в золоченое кресло справа от трона.

Перед ним стоял уже папий с несколькими своими помощниками.

Папий старался выглядеть спокойным. Пусть царь узнает о страшной новости от самого логофета.

Царь пристально посмотрел на папия и потребовал:

— Логофета!

Папий, пятясь, вышел в соседнее помещение и кивнул специальному чиновнику. Тот поспешил в другой зал, где уже дожидался логофет Феоктист. Чиновник подвел логофета к папию, папий ввел его в золотую палату.

Логофет приблизился к царю, упал перед ним ниц, затем поднялся и приготовился к докладу.

Начался утренний царский прием.

Каждое утро сановники собирались на ипподроме и ждали открытия дворца, каждое утро логофет падал ниц перед царем, а потом, поднявшись, коротко докладывал ему о делах в империи.

Никто: ни служитель, ни даже сам царь — не мог нарушить порядок, установленный веками. Царю полагалось являться в специальных одеждах, остальным падать перед ним ниц.

В это печальное утро порядок тоже соблюдался полностью.

— Сначала Аморий, — произнес царь Феофил со своего золоченого кресла. — Какая им нужна помощь?

Тут же по лицу своего логофета он догадался о несчастье, махнул рукой и сказал:

— Не надо, о подробностях расскажешь после.

Логофет принялся докладывать о других делах, царь смотрел в сторону, и было непонятно, слушает ли он. Потом логофет ввел человека, которого вчера решено было назначить друнгарием — командиром крупного военного отряда.

Введенный упал перед царем на колени, поклонился, дотронувшись лбом до пола, поцеловал пурпурный царский сапожок.

Царь по-прежнему смотрел куда-то в сторону. Сейчас ему полагалось сказать привычную фразу: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа производит тебя моя от Бога царственность в друнгарии».

Но вместо этого царь кивнул папию, стоящему у стены:

— Ступай, сделай отпуск.

Папий немедленно взял связку ключей и отправился по залам, громыхая ими, чтобы все чины знали и слышали, что прием окончен и царь приказал сделать отпуск.

После этого сигнала обычно выходил специальный служитель со списком и перечислял людей, приглашенных к царю на обед.

В тот день служитель со списком не вышел. Догадливый папий остановил его.

Лицо человека, так и не назначенного на должность, было растерянным. Он все еще стоял на коленях.

Да и сам логофет Феоктист слегка растерялся. Еще ни разу за го-

ды правления царь не прерывал утреннего приема. Возможно, царь от горя просто забыл произнести положенные слова, и тогда надо было ему незаметно напомнить. А может быть, царь передумал, и тогда напоминание пошло бы во вред логофету.

Наконец царь взглянул на кандидата в друнгарии.

— Ступай, ты же слышал: отпуск.

Человек, пятясь, вышел из зала. Логофет тоже хотел выйти, но царь подозвал его и сказал совсем уже тихо:

— Позови врача и будь все время при мне...

С того дня здоровье царя постепенно ухудшалось.

Почувствовав близость смерти, он приказал тайно умертвить своего военачальника Феофова.

Феофов командовал наемными персидскими войсками, одержал немало побед. Пока царь был здоров и крепок, он считал Феофова другом, отдал ему в жены свою сестру Елену.

Теперь многое менялось.

В стране не было прочной династии. Чаше власть передавалась не по наследству. Престол захватывали самые ловкие, самые честолюбивые. И уже они становились богами на земле, уже им поклонялись граждане страны.

Сейчас положение было особенно опасным. Единственному сыну царя — Михаилу не исполнилось и четырех лет.

И царь Феофил боялся, что бывший друг, доблестный полководец, самолюбивый Феофов, едва узнав о смерти его, сам захочет завладеть тронем. Он ведь и так происходил из древней персидской царской династии Сасанидов, а его войско уже сейчас воздавало ему царские почести.

Повеление Феофила выполнил брат царицы Варда. Его люди тайно умертвили полководца.

Для Варды Феофов был опаснее, чем для царя. Царь покидал этот мир, а Варда собирался жить еще долго.

За день до смерти царь Феофил собрал у своего ложа четверых.

В головах сидела царица — верная жена Феодора. Несколько ночей подряд она не отходила от больного мужа.

Поблизости от царицы сидел ее брат Варда, с другой стороны — Мануил, их дядя.

В ногах стоял логофет Феоктист.

Царь говорил с трудом, слова вырывались с тяжелым хрипом:

— Пока я был здоров, я не боялся ни сильных врагов, ни хитрых друзей. Сейчас вы единственные, которым я могу доверить управление страной. — Царь замолк. Он отдыхал и одновременно внимательно изучал лица троих мужчин. Лица их были бесстрастны, лишь печаль выражали они сейчас. — Поклянитесь на кресте, что вы исполните мою волю: не оставите в беде моего сына.

Варда, брат царицы, сделал было протестующее движение, как бы говоря: «О повелитель, мы и без клятв рады выполнить все, что ты прикажешь!»

Но царь, покачав головой, вновь произнес:

— Поклянитесь, так мне будет спокойнее.

Тяжелый золотой крест лежал на столике около постели.

— И найдите сына, надо, чтобы он тоже слышал ваши слова.

Царица встала, пошла за наследником. Несколько минут все сидели молча. Потом послышался капризный голос царевича Михаила:

— Не хочу идти! Не мешай мне, когда я играю!

Наконец царица ввела в покои упирающегося мальчика.

— Чего она меня тащит! — закричал наследник отцу, стараясь выдернуть руку.

— Успокойся, сейчас мы тебя отпустим, — проговорил царь со своего ложа.

Каждый, положив руку на крест, произнес слова клятвы.

— И ты поклянись, Феодора, — сказал царь жене. Царица следом за мужчинами возложила на крест руку.

Наследник тут же вырвался и побежал назад к своим играм. Пока ему не было никакого дела до умирающего отца, до власти, которую взрослые поклялись сохранить для него.

— Ты, Феодора, станешь управлять страной до совершеннолетия нашего сына. Ты, Варда, станешь готовить его к царствованию. Вы, Мануил и Феоктист, будете помогать царице в управлении страной так же, как помогали мне.

Феоктист и родственники царицы подождали, не добавит ли царь иных повелений.

Царь сделал жест рукой, отпустил их.

Они тихо удалились из покоев, оставив его наедине с женой.

На следующий день, 20 января 842 года, царь Феофил умер.

Феофила недаром считали человеком предусмотрительным.

Если бы он назначил в помощники царице одного лишь Варду, возможно, уже через месяц малолетний наследник погиб бы нечаянной смертью, а саму царицу отправили бы в монастырь.

О том, что тщеславный пьяница, брат Феодоры давно мечтает о троне, Феофил догадывался.

«И когда он при своей беспорядочной жизни успевает читать уче-

ные книги, так что многие образованные люди ведут с удовольствием с ним беседы?!» — удивлялся царь.

Дядя царицы Мануил о троне не помышлял. Он был хитер, но труслив. Несколько лет назад на собственной вилле он перепугал всех истощным воплем. На дорожке лежала гнутая ветка, а он принял ее за змею.

Своего племянника он боялся не меньше, чем змей.

Теперь шпионы Мануила следили за каждым шагом Варды.

Лишь логофет Феоктист был человеком верным и дельным. Мелкой монеты — оболы не присвоил он за время правления.

Но как знать, не воспользуется ли его верностью царица, чтобы держать вдалеке от престола растущего сына?

«Все они станут присматривать друг за другом, пока подрастает мой сын. А там он разберется, кого взять себе в советчики», — думал умирающий царь.

Через несколько месяцев, возвращаясь после доклада от царицы, логофет Феоктист увидел отвратительную сцену.

Два диетария — дворцовых слуг — вели по дворцу пьяного, распевającego во все горло Варду. Следом за ним шел, волоча игрушку по полу, наследник.

Феоктист быстрее подозвал Михаила к себе, но своих детей у него не было и он не знал, как забавлять маленьких. Они стояли несколько минут молча.

— А я убил жука! — сказал наконец Михаил.

— Зачем жуков убивать, они тоже хотят жить, — начал было наставлять Феоктист.

Но наследник сразу топнул ножкой.

— А мне дядя Варда разрешил! — закричал он. — Он говорит, ты царь, ты можешь делать все, что хочешь.

— Царям дозволено делать все, но они сами должны направлять свои желания лишь на доброе и разумное, — произнес было Феоктист, но тут же понял, что четырехлетнему ребенку слушать такое скучно и непонятно.

«Годы пройдут быстро, ему придется править государством, будет ли он готов к этому? — думал Феоктист. — Надо найти ему воспитателя. Не старого, но уже образованного и рассудительного».

В тот же день Феоктист разговорился со знаменитым ученым Львом Математиком.

Лев Математик недавно вернулся из Солуни — второго города Византии, где жил последние годы.

— Сегодня я получил из Солуни печальное известие, — сказал логофет. — Скончался мой родственник, вот думаю, чем бы помочь его детям.

— Старший сын вашего родственника, Мефодий, уже служит, а младшего, Константина, можно вызвать сюда, — посоветовал Лев. — Он только и мечтает, как бы продолжить учение в столице. У него удивительно светлая голова.

«Пожалуй, Математик подсказал мне дельную мысль, — подумал логофет вечером перед сном. — Я вызову этого Константина, здесь он поучится несколько лет и одновременно станет другом и учителем наследника. Юный, но образованный и рассудительный учитель — это как раз то, что надо будущему царю».

На другой день Варда был трезв, и логофет поговорил с ним.

Варда сам любил беседы с учеными людьми. Сейчас он даже подумывал создать университет. Во главе университета он хотел поставить Льва Математика.

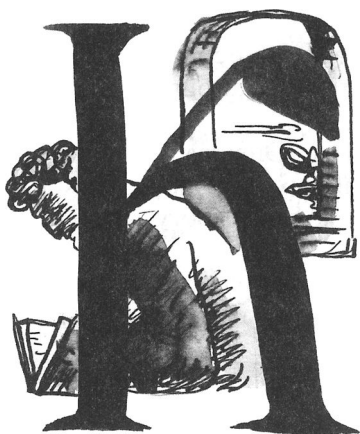
— Если Лев советует, к нему можно прислушаться, — сразу согласился Варда.

Мануил порадовался, что учителем станет человек юный и в столице неизвестный.

Царица тоже не возражала.

В Солунь за Константином поспешили четверо слуг Феоктиста.

ОН ВЫБРАЛ ПРЕМУДРОСТЬ

Когда Константину исполнилось восемь лет, он начал учиться в школе. В школе учили писать и читать по-гречески, считать. Еще учили верховой езде, воинским приемам, соколиной охоте. Пожалуй, эти предметы считались главными. Здесь занимались дети знатных родителей, им необходимо было хорошо ездить верхом и знать толк в соколиной охоте.

У Константина был свой кречет. Он выращивал его вместе с отцом.

Однажды во время охоты взлетел сокол в небо, пошел плавными кругами, упал камнем вниз и пропал.

Два дня искали его по полям — не было сокола ни раненого, ни погибшего.

— Верно, промахнулся твой кречет да и попал волку в пасть, — сказал отец, — не печалься, нового заведем.

Но Константин любил только этого сокола. Он кормил его мясом и зерном, сокол никогда не клевал хозяина, а от незнакомых людей защищал, сердито махая клювом.

Теперь у Константина остались лишь книги.

В Солуни, знаменитом торговом городе, проживало много купцов, стояли корабли в порту из разных стран, но ученых людей почти не было.

Вокруг Солуни крестьянствовали, растили хлеб славянские племена, в городе жили мастеровые люди. Они были неграмотны и книг дома не держали. Книга была недоступной роскошью, за нее пришлось бы отдать половину урожая. Многие видели книгу только во время богослужений, издали.

Лишь у зажиточных людей лежали в доме на видном месте две-три книги.

У друнгария Льва, отца Константина, среди прочих была и «Энеида» — книга Вергилия, великого римского поэта. Она досталась друнгарию как трофей в боевом походе.

— Знаменитые стихи, — говорил с уважением отец, но сам лишь изредка рассматривал папирусный свиток, с трудом разбирая латинские слова.

В восемь лет Константин решил прочитать «Энеиду». Он пытался вникнуть в смысл старинных стихов, написанных на чужом языке, но они оставались непонятными. Константин молился Богу, чтобы тот прояснил его разум, но молитвы не помогали.

В Солуни никто не знал латыни. Купцы, повидавшие разные страны, могли говорить понемногу на нескольких языках, но и они не умели читать чужие книги.

Наконец Константину показали приезжего человека. Говорили, что он знает латинскую грамматику.

Константин стал подстерегать его на улице, ходил за ним следом, но так и не решился попросить о помощи.

Однажды человек сам круто повернулся к нему и сердито спросил:

— Мальчик, мне говорили, что ты сын друнгария Льва, да будет удачлив каждый день его жизни. Отчего ты ходишь за мной по пятам? Или шутку какую задумал?

Константин растерялся и отвечал не сразу.

— Могу ли я просить поучить меня законам латинского языка, о господин? — начал робко Константин. — У нас в доме есть книга Вергилия, я переписал многие ее страницы, но понять их трудно.

— И слава богу! — ответил приезжий. — Да, я понимаю латинскую грамоту и мог бы объяснить тебе каждую фразу, но зачем? Взгляни на меня. Ты думаешь, много мне пользы от того, что я читал премудрые книги? Я потому и переехал сюда, в незнакомый город, чтобы никто не лез ко мне с учеными разговорами. Люди должны пахать землю, сеять хлеб, делать полезные вещи. И я поклялся никого больше не учить ни грамматике, ни другим наукам. Твой отец действительно друнгарий?

— Да, он друнгарий.

— Вот и ты становись военным. Может быть, самым стратигом сделаешься. Чего тебе еще надо?

— Я хочу постигнуть то, что написано в мудрых книгах, — ответил Константин, и голос его задрожал.

— Ну что ж, попробуй, — человек усмехнулся так, словно он спорил не с восьмилетним мальчиком, а со взрослым, — только я тебе в этом не помощник. Не хочу, чтобы ты потом во всех бедах своих обвинял меня.

С тех пор приезжий много раз встречал Константина на улицах, и они проходили мимо друг друга, мальчик и мужчина, словно не было у них этого разговора.

Через год приезжий не выдержал.

— Послушай, мальчик! Ты по-прежнему хочешь, чтоб я научил тебя премудростям латыни? Или уже забыл о своем ребяческом желании?

— Я не забыл, — ответил Константин, — но теперь я изучаю латинский язык сам.

— Ты, конечно, ребенок. Но даже тебе непозволительно говорить подобные глупости. Как можно самому выучиться незнакомому языку?!

— Я взял книгу Григория Богослова на греческом и латыни, сопоставлял их фраза за фразой и уяснил уже многое. Теперь и другие латинские книги понятны мне.

Приезжий постоял в молчаливом удивлении.

— То, о чем рассказал ты, я могу назвать лишь одним словом — это чудо. Обыкновенному разуму такое недоступно.

— Да нет же, — стал возражать Константин, — любой может добиться этого, только надо сильно захотеть.

Константин пошел дальше, но если бы оглянулся, увидел бы, что стоит тот человек на месте и смотрит ему вслед.

Приснился Константину странный сон.

Идет он по полю, а кругом девушки в ярких солнечных одеждах. Бегают, его не замечая, пересмеиваются.

Константин посмотрел на ближнюю — она такая красавица, всю жизнь бы на нее глядеть, любоваться.

Посмотрел на другую — и та красавица. И третья, и четвертая.

— Это невесты твои, — услышал он вдруг посторонний голос, — выбирай любую, обручайся, и будет она верной женой навсегда.

И девушки сразу замерли в ожидании, кого из них выберет Константин.

— Выбирать невесту не рано ли мне? — спросил Константин. — Это дело серьезное, а я даже имен их не знаю.

— Ты назови имя, девушка и выйдет.

Тихо на поле. Молчат девушки, ждут, чье имя назовет он.

— Я выбираю... Софью, — проговорил Константин. И словно шест прошел среди невест:

— Кто из нас Софья? Где Софья? — Не нашли невесты с таким именем.

Исчезли внезапно девушки, словно не было их минутой раньше. Лишь чистое поле да травы качаются от ветра.

Утром Константин рассказал о странном сне отцу.

— Сны чаще обманывают, — ответил отец, подумав, — но, если верить твоему, ты выбрал невесту необычную — науку, точнее, мудрость. Ведь Софья означает премудрость. Но это известно и без твоего сна. Детям надо гулять, а ты весь день сидишь дома над книгами. Конечно, сам Лев Математик похвалил твои способности. А уж людей учение его во всей империи трудно найти. Славно, что его прислали епископом в наш город. Он, да дядя его, Иоанн Грамматик, патриарх всей церкви, да Фотий — вот трое ученейших людей государства...

Отец любил поговорить о разных науках и ученых людях. Он и сам бы стал, наверно, ученым, если бы в молодости его не влекла воинская служба.

А теперь он был в почете, на высокой должности. Подчинялось ему множество воинов-стратиотов, а он в огромной области подчинялся лишь одному человеку — воеводе-стратигу.

— И этого почета я достиг не взятками да кознями, как некоторые, — говорил отец, — а честной солдатской службой во славу империи.

Все было хорошо в доме у Константина. Веселый и сильный отец, которого в городе уважали. Мать — по дому она ходила незаметно, тихо, никогда не сердилась, но слуги ее слушались. Старший брат Мефодий — он тоже любил науки, но, как и отец, увлекся воинской службой.

Жил спокойно Константин в родительском доме, и казалось ему, что всегда так и будет.

И вдруг отец умер.

Еще вчера он легко поднимался по лестнице и громко смеялся, а потом неожиданно схватился за грудь, поник... И сегодня его уже нет и не будет никогда...

О смерти отца сообщили в столицу дальнему родственнику — самому логофету Феоктисту.

Вскоре прискакали слуги Феоктиста, вручили постаревшей матери письмо.

Прочитала она это письмо и снова, как в дни похорон, тихо заплакала.

Логофет Феоктист вызывал юного Константина ко двору малолетнего царя.

...При прощании мать старалась улыбаться. Но только слезинки сами вытекали из глаз одна за другой.

И слуги вышли прощаться — любили они тихого мальчика с умными большими глазами. Слуг после смерти отца осталось немного — лишь те, кому семья Константина стала родной, кто согласился и без жалованья помогать его матери.

Странно — еще недавно мечтал он очутиться в Константинополе среди образованных людей, а сейчас страшно уезжать из дома, из родного города и так хочется броситься назад, домой, к матери.

Оглянулся он первый раз — город был еще рядом, заслонял небо. И казалось, до каждого строения можно рукой дотянуться...

А кругом виноградники, огороды.

Оглянулся второй раз — дома и крепостные стены слились, стоят вдали.

Решил он больше не оглядываться, ехал вперед, даже зажмурившись. Но потом не выдержал. Оглянулся в третий раз — едва виден родной город, словно темное облако зацепилось за горизонт.

Слуги Феоктиста ехали рядом с ним молча, делали вид, что не замечают грусти мальчика. Каждый из них тоже когда-то уходил из родительского дома.

УЧЕНИЕ

огофета дома не было. Спутники Константина передали его другим слугам и куда-то исчезли. Константина провели по широкой лестнице, выложенной белым мрамором. Он искупался в бассейне, смыл дорожную пыль.

Уже темнело, поэтому во дворце зажгли светильники. Ужинал Константин в большой пустынной комнате. Слуги вежливо улыбались ему, но разговора не заводили.

За ужином он едва не заснул, и его отвели на другую половину дворца, в спальную комнату.

Последняя его мысль была о том, что постель слишком огромна. Тут же он провалился в сон.

Позже он проснулся на миг от ощущения, что кто-то пристально смотрит на него. Он не сразу понял, где находится, увидел высокого важного пожилого господина и двух слуг.

— Едва поужинал, так за столом и заснул... — шептали слуги.

— Тихо, тихо, он просыпается, — ответил им также шепотом высокий господин и шагнул за дверь.

Константин повернулся на другой бок и проспал до утра крепко, без сновидений.

Рано утром его разбудил молодой улыбающийся слуга.

— Проснись, господин, — сказал он на языке славян, — наш хозяин ждет тебя.

Пока Константин одевался, умывался, слуга разговаривал не переставая.

— Меня хозяин специально приставил к тебе. Говорит: «Ты молодой, Андрей, и господин молодой. Ты славянин, и господин из Солуни, где все говорят по-славянски, как по-гречески. А еще ты ловкий, быстрый и сообразительный. Будешь сопровождать всюду господина, потому что в первые дни в столице он растеряется». Я недавно продал себя хозяину. Отец задолжал тридцать номисм, когда покупал булочную, вот я и продал себя. Отец договорился, что после нового урожая он выкупит меня, и я снова стану свободным.

Константина позвали к логофету Феоктисту.

За завтраком Феоктист лишь успел спросить о дороге. Потом он сочувственно вздохнул, вспомнив друнгария Льва, отца Константина.

— Дельный и честный был человек.

Они быстро вышли из дому, и им подвели коней.

— Сейчас я представлю тебя царской семье, а позже можешь походить по городу.

Славянин Андрей поехал позади свиты.

Быстрыми шагами, едва отвечая на поклоны, логофет вел Константина по дворцу.

Константин едва успевал поразиться тому, что видел, как сразу перед ним возникало новое чудо: лучшие скульптуры, свезенные из разных городов мира, яркие росписи, медные и серебряные двери палат, блистающие солнечным огнем. Они вошли в небольшой зал, где царь любил совещаться с близкими людьми. Зал назывался консисторией.

Там уже находились двое: толстый лысоватый мужчина с богатыми перстнями на каждом пальце — Варда и длинный костлявый старик — дядя царицы и Варды, Мануил.

— Приветствуй, приветствуй! — шепнул логофет. Константин упал на колени.

— Царица сегодня нездорова, она поручила нам познакомиться с твоим родственником, — сказал Варда.

Феоктист отошел к стене, а Константин остался стоять на коленях, и ему было неловко под изучающими взглядами важных людей.

— С виду он вполне благообразен, — сказал наконец Мануил. — А знания его пускай проверяют Фотий да Лев Математик.

— Я справлялся о нем у Льва, — заметил Варда. — Лев доволен та-

лантами твоего родственника, Феоктист. Я думаю, пускай он пока учится у наших мужей сам, а позже, если мы увидим, что царю требуется специальный учитель, мы пригласим этого юношу снова.

И Варда милостиво разрешил Константину подняться.

Логофет вывел его из консистории, вручил кошелек с деньгами, потом подозвал служителя и поручил ему отвести юношу к выходу.

Они стояли в самом центре города — на площади Августеон и смотрели на статую Августа — святой Елены. Их ослепляло солнце.

— Сначала, как ты хотел, господин, книжные лавки, — сказал слуга Андрей. — Сейчас не все открыты, к вечеру их будет больше.

Константин увидел столы, лавки, развалы, тянущиеся вдоль площади. Здесь были тяжелые древние свитки, писанные непонятными знаками — иероглифами, книги арабов, математические таблицы, пьесы древних греческих писателей, трактаты на духовные темы, молитвенники. Что ж, теперь он станет сюда ходить ежедневно и постепенно просмотрит все, решил Константин.

Странные люди встречались им на пути. Они громко говорили, красиво жестикулировали. Некоторых окружали слушатели.

— Прежде чем назвать человека вором, надо внимательно исследовать мотивы его поступка и способы произведенного им действия, — внушал один пожилому крестьянину в застиранной тунике и грязной обуви, завязанной на ногах крест-накрест.

— Всякий, кто нарушил постановление епарха, заслуживает плетей, но это вовсе не значит, что... — говорил другой.

— Что это за люди? — спросил Константин. Андрей презрительно махнул рукой.

— Это адвокаты, показывают свое искусство, ждут, не наймет ли их кто вести судебное дело... А вот здесь, господин, — Андрей указал на ряд домов вдоль улицы, — есть тоже интересное для тебя. Здесь работают каллиграфы, переписчики книг.

Сейчас, в жару, окна и двери мастерских — эргастерий были открыты и можно было стать рядом с каллиграфом и смотреть, как он, обмакнув острое гусиное перо в рог, наполненный чернилами, вырисовывает букву за буквой. Потом берет другое перо, павлинье, отточенное иначе, и выводит на полях цветными чернилами кораблик, голубые волны и золотые солнечные лучи. Это казалось чудом: только что был пустой лист, и вот уже буквы, говорящие о радости, нечаянной встрече или о горе и потере близкого человека.

В детстве Константин писал пером на пергамене, но чернила были другие — расплывались от влаги. Потом в Солунь перебрался ремесленник, умевший делать чернила из сока дубовых орешков, они не смывались водой, их можно было лишь соскоблить острым ножом.

Когда они отошли от эргастерий, Андрей спросил:

— Почему так — греческие книги есть, латинские — есть, даже у арабов свои книги, а у славян нету? Почему Бог не дал славянам книгу?

Константин и сам не знал почему. Нечего ему было ответить.

На главной улице, Месе, как и вчера, былолюдно.

Армяне, персы, славяне, итальянцы, евреи, арабы работали в лавочках, торговались у прилавков, стояли подперев стены и разглядывали прохожих.

Отражая яркие лучи, ослепляли глаза изделия ювелиров.

Потом пошли свечные лавки. Хозяева на глазах у прохожих из обломков свечей отливали новые.

Бородатый старик с повязкой на левом глазу выдувал из раскаленного стекла сосуды. Вокруг стояли зеваки. Один сосуд лопнул, и осколок угодил какому-то неосторожному в щеку.

Иногда толпа посреди улицы расступалась. Верхом на конях в окружении свиты проезжали важные сановники, в окружении прислужниц проехала богато одетая женщина.

— Жена епарха, градоначальника нашего, — узнал Андрей, — в монастырь на богомолье едет.

Он помахал одной из прислужниц рукой, и та, чуть отстав, ему ответила.

Сначала Константин не понял, что за люди лежат между мраморных колонн, под прекрасными статуями. Одетые в грязные лохмотья, они тянули руки к проходящим мимо и умоляли о помощи.

— Больные, — объяснил Андрей, — съехались отовсюду, надеются, что их тут вылечат... Господин, позволь обратиться к тебе с просьбой. Зайдем к моему отцу. Мне редко удастся навестить его.

Они свернули на боковую улицу. Даже сейчас, в разгар дня, здесь были сумерки и стоял удушливый запах, от которого кружилась голова. Здесь жил мастеровой люд Константинополя — плотники, каменщики, красильщики шелка.

Наконец они дошли до булочной, которой владел отец Андрея.

— Эй, отец, это мой новый господин, он тоже из Солуни, как и ты! — закричал Андрей уже издалека.

Отец в это время отпускал два хлеба пожилому мужчине.

— Отец, дай нам воды, господин измучился, пока мы дошли!

— Да не покинет радость тебя, молодой господин! Как хорошо, что ты осчастливил мой дом своим приходом! — поздоровался отец. Потом он повернулся к сыну. — Вода у нас свежая, на обычном месте. Да не из общей посуды дай юному господину попить, а из отдельной — для хорошего гостя.

Пожилой покупатель не уходил. Он недовольно топтался, разглядывая хлеб, кряхтел, а потом спросил:

— Что, сегодня снова хлеб у тебя полегчал?

— Можно подумать, это от меня зависит, — возмутился отец Андрея. — Словно ты не знаешь: каждое утро епарх сообщает, в какой форме выпекать хлеба. И все булочники города пекут хлеб именно в такой форме. Сегодня ты за три обола получаешь средний хлебец, дней через десять за те же три обола получишь другой. А привезут зерно из Фракии, и ты за свои три обола получишь вот такой хлеб! — Отец Андрея показал, какой это будет огромный хлеб.

— А где братья, мама? — спросил Андрей.

— Братья зерно мелют, мама у себя.

— Зайдем, господин, посмотришь, как мы живем. Андрей провел Константина в заднюю комнату.

Здесь было прохладнее.

У стены на низенькой скамейке за прялкой сидела пожилая женщина.

— Мама, это мой новый господин, он из Солуни вчера приехал...

Женщина сразу заулыбалась, встала.

— Проходите, проходите, дорогие! Я как раз думала о тебе, сон мне снился сегодня, идешь ты счастливый, поешь. Я думаю, что за счастье у тебя такое? А это, оказывается, новый господин у тебя. Какой молодой!

Константин смущенно стоял у дверей.

— А у нас неприятность — мы опять задолжали две номисмы, даже зеленщик сегодня ничего мне не дал.

Константин достал кошелек и протянул Андрею три золотые монеты.

— Я хочу помочь вам.

Андрей взял было с радостью монеты, потом посмотрел на них и решительно вернул назад.

— Нет, господин, спасибо. Я и так понял, что ты добрый, но у нас свои нужды, у тебя свои.

— Возьми, я прошу!

— Что ж, я возьму одну номисму, она поможет нам. Но только в долг. А после нового урожая мы вернем тебе полторы. Мы честные люди и долги отдавать умеем.

В комнату вошел отец Андрея.

— Помоги-ка мне мешки передвинуть, — попросил он.

— Господин, я пока отцу помогу, а ты иди потихоньку по улице прямо, я догоню.

Константин вновь вышел на узкую улицу и пошел не спеша. Он дошел уже до площади, но Андрей все не догонял его.

И тут он увидел новую толпу. Посередине приплясывал юродивый в грязном плаще, надетом на голое тело.

Вокруг него веселились уличные мальчишки, нищие.

Они поддразнивали его, кидались мелкими комьями земли.

Константин хотел посторониться, но юродивый вдруг нацелился прямо на него.

— Поддай на зубок в голодный роток! — И он протянул к лицу Константина грязную, в язвах и ссадинах руку.

Константина окружили со всех сторон нищие. Здесь были и старики, и молодые парни.

— И мне подай!

— И мне тоже подай, господин молодой!

— Подай! Подай! — кричали они и тянули за одежду.

Один встал перед Константином на колени, другой стал хватать за руки, третий потянулся к кошельку.

Все они смотрели в лицо Константину, показывали свои заплаты, дыры на одежде, язвы на теле.

— Я сейчас, сейчас. — Константин торопливо раскрыл кошелек. — Только я не все могу отдать. Я те, что мои, отдам.

— Мне дай! Мне! — закричали нищие.

К ним бежали по улице новые зеваки и новые нищие.

Мужчина, стоящий перед Константином на коленях, выхватил кошелек с деньгами, передал другому, тот следующему, и кошелек исчез в толпе.

— Еще дай! Еще! — Мужчина не поднимался с коленей.

— У меня нет больше. И там, в кошельке, лишь часть моих денег, остальные мне логофет Феоктист дал...

— А на груди под одеждой небось другой кошелек?.. — Мужчина хватался руками за одежду Константина. Руки его тряслись, но глаза смотрели холодно и жестко.

Константин испугался этого взгляда и попятился.

— Дай еще! Помоги голодным и болящим! — Мужчина, не поднимаясь с коленей, вновь придвинулся к нему.

И тут Константин услышал зычный голос:

— Чего пристали к господину, патриаршьи дети!

Константин обернулся и увидел рослого парня, который вчера шел за ним по дороге к городу. Парень тоже узнал его.

— Да ведь и господин знакомый! — Он оглядел нищих и весело добавил: — Никак остригли тебя столичные жители?

Он двинулся в толпу, схватил тощего сморщенного человечка за руку, и Константин снова увидел свой кошелек.

Парень взял кошелек, пересчитал деньги и удивленно покачал головой.

— С такими деньгами, господин, в одиночку по городу не ходят. А вам, — он снова повернулся к нищим, — мало пятидесяти оболов, что дали в церкви? Да на это до вечера веселиться можно. Плотники в три раза меньше зарабатывают. Увидели господина молодого да слабого...

Мужчина, стоявший на коленях, быстро поднялся, отряхнул одежду и недовольно нахмурился.

— Я сам подал им, — сказал Константин. Парень, как и Андрей недавно, сокрушенно вздохнул.

— Не дело это, господин, подавать такую жирную милостыню. Две номисмы мы, так и быть, возьмем, отблагодарим твою доброту. — Парень протянул кошелек Константину. — Держи крепче и не соблазняй бедных жителей.

Он повернулся к толпе, увидел, что все следят за ним с ожиданием, и крикнул:

— Пошли молиться за здоровье доброго господина!

Нищие шумно двинулись за ним следом и скрылись в ближнем кабаке.

Константин оглянулся и наконец увидел Андрея.

— Прости меня, мне нельзя было отпускать тебя в одиночку. Если хозяин узнает о том, что было, он прикажет дать мне плетей и будет прав.

— Откуда же он узнает? — удивился Константин.

— Разве ты не расскажешь ему о том, что произошло сейчас?

— Зачем рассказывать, если это грозит тебе наказанием?

— Спасибо, господин мой, я буду молить Бога о твоём счастье! —

Андрей схватил руку Константина, поцеловал ее. — В который раз за день ты показываешь мне свою доброту!

В Константинополе об учености Фотия ходили легенды.

Слуга Андрей даже испугался, когда узнал, что Константин будет учиться у него.

— Разве ты не слышал — он знается с нечистой силой! — прошептал Андрей, озираясь и крестясь. — Невозможно простому человеку вместить в свою голову столько познаний. Все говорят, что при нем состоит демон Левуфа, с виду похожий на эфиопа, он охраняет Фотия и обучает тайнам эллинских наук. Фотий отыскивает повсюду книги язычников и хранит дома.

У Фотия в доме собиралось человек по десять учеников сразу. Они давно знали друг друга, и Константин сел в сторонке.

Он думал, что Фотий — глубокий старец с длинной седой бородой, а это оказался стройный человек, ему и сорока не было.

В Солуни учителя приказывали заучивать урок наизусть и мало что могли объяснить сами.

Здесь же все беседовали вольно.

Сосед Константина, юноша с длинными руками и тонким лицом, прочитал стихи:

Лучше потерпеть поражение,
Чем одержать недостойную победу.

Все стали рассуждать, правильно ли это, или все-таки лучше какая угодно, но победа. Фотий принимал участие в беседе наравне с ними. Он вспоминал знаменитых полководцев и ученых, когда и кто отказывался от недостойных побед.

Константин сидел по-прежнему в сторонке и молчал. Ему-то казалось, что он тоже участвует в разговоре, спорит с одним, соглашается с другим. Он даже головой иногда кивал.

— А что думаешь об этом ты? — спросил вдруг его Фотий и дружелюбно улыбнулся.

— Я? — Голос у Константина прервался от волнения. — Я думаю, что он, — Константин показал на своего соседа с тонким лицом, — я думаю, что он сочинил очень хорошие стихи.

Неожиданно ученики захохотали, и громче всех смеялся сосед.

— Я сочинил! Ой, умру — я сочинил!

Константин не мог понять, отчего все смеются, и сидел, опустив голову.

Один лишь Фотий был серьезен и смотрел на учеников строго.

— Я думаю, ты извинишь их, — сказал Фотий Константину, когда стало тихо. — Ведь они два года назад тоже не знали стихов знаменитой Касии. Они и радуются тому, что успели прочитать их.

Больше никто не смеялся, а Фотий рассказывал, как строится стих, как чередуются слоги, читал на память Гомера и Гесиода. Иногда он обрывал чтение на полуфразе и говорил:

— К несчастью, эти стихи дошли до нас лишь в отрывках, и мне пока не удалось отыскать их полностью.

Потом, когда все уже разошлись, Фотий позвал Константина в другую комнату. Это была библиотека: здесь хранилось настоящее богатство. На столах, на специальных подставках лежали старинные папирусные свитки и книги, писанные на пергамене. Даже запах был здесь особый, книжный.

— Это лишь небольшая часть древних сочинений, которую мне удалось отыскать. Их считали навсегда утраченными, — объяснил Фотий. — Ты можешь взять на время любую книгу, какую захочешь. Сегодня мы заговорили о Касии. Возьми эту книгу ее стихов. Она мне особенно дорога, Касия их переписала специально для меня.

Константин вышел из дома Фотия и увидел, что ученик с тонким лицом поджидает его.

— Прощу тебя, прости мой смех. Я не хотел обидеть тебя.

— Я сам виноват, что не знал знаменитых стихов, — ответил Константин.

Они пошли по улице вместе, и ученик стал рассказывать про Касию.

Его отец был знатным чиновником и знал, что Касия чуть не стала женой императора Феофила.

Когда мать Феофила решила, что сыну пора жениться, она собрала лучших невест страны. Из них она отобрала семь самых достойных. А потом она дала Феофилу яблоко и сказала, чтобы он протянул его выбранной девушке.

Феофил подошел к Касии и хотел протянуть яблоко ей.

Но в последний момент испугался ее красоты и ума и передал яблоко Феодоре, которая стояла сзади.

Касия была оскорблена. Самые видные люди государства влюблялись в нее и мечтали взять ее в жены, но она построила рядом со столицей монастырь и теперь там живет.

Зато стихи ее, эпиграммы и гимны знает весь Константинополь.

— И хотя брат Фотия женат на сестре царицы, сам Фотий тоже чтит Касию, — сказал ученик напоследок.

Льва Математика знал каждый житель Константинополя.

И не потому, что Лев Математик был племянником патриарха Иоанна Грамматика, и вовсе не потому, что его послали епископом в Солунь.

Лев Математик был учейшим человеком. Многими его изобретениями пользовались византийцы.

На границах с арабами никогда не было покоя. И пока скакали вестники, уходило нужное время, помощь запаздывала.

Лев изобрел простой телеграф.

На пограничной крепости и во дворце ставятся одинаковые часы. Под каждым часом написано свое событие: нападение, пожар, землетрясение. Всего двенадцать возможных случаев.

Если нападали арабы, ровно в два часа зажигали на пограничной горе сигнальный огонь. Этот сигнальный огонь в ту же минуту видели на вершине другой горы и зажигали свой. От вершины к вершине, от башни к башне больше тысячи километров проходил сигнал минут за пять—десять.

Если случился бы пожар, сигнальный огонь зажгли бы в четыре часа — о пожаре было написано именно под цифрой четыре.

С тех пор об опасных событиях царь узнавал в тот же день.

Феофил затеял постройку новых палат. Он хотел поразить мир роскошью и красотой своего дворца.

Лев и здесь придумал невиданное.

Теперь, когда прибывали иностранные послы, их подводили к трону, позади которого стоял золотой платан. По бокам трона сидели огромные бронзовые львы.

Стоило послам подойти чуть ближе к императору, как львы поднимали лапы и громогласно ревели. Послы вздрагивали от страха, они не ожидали такого чуда.

Тогда император с трона милостиво улыбался им, и в ту же минуту маленькие золотые птички на платане расправляли крылья и пели веселые птичьи песни.

Послы, окончательно сраженные чудесами, разносили славу об императорском дворце по всему свету.

— Бог наградил его удивительными талантами! — говорили о Льве горожане.

— В моих безделушках нет ничего чудесного, — уверял Лев, — просто надо знать законы механики и акустики.

Когда он приехал в Солунь, городу угрожал голод. Уже несколько лет земля была бесплодной, урожая не хватало на жизнь.

Все ждали, что новый епископ Лев Математик устроит молебен в главном храме города. Но молебна Лев не устроил.

В зимние месяцы он ходил по полям жителей и записывал в свою книжку, кто на каком поле что сажал. Потом он заказал семена из других мест.

Весной он раздал семена людям и указал строго, на каком огороде и поле какие семена посадить.

Таких всходов не помнили даже старики. Когда собирали урожай, каждый хвалил нового ученого-епископа. Зерно и овощи не вмещались в хранилища, их везли на кораблях в другие области.

— Он вымолил для нас милость от Бога, — говорили жители Солуни.

— У Бога, конечно, я тоже просил милости, — объяснил Лев Математик, — но не менее важно знать законы земли и роста растений.

Константин опечалился, когда Лев Математик уехал в столицу. Но теперь они снова встретились.

В столице Константин учился у Льва практическим наукам: механике, астрономии, алхимии.

Однажды Лев повел его в подвалы царского дворца.

Перед этим Константин должен был поклясться на кресте, что никогда в жизни не выдаст важную государственную тайну.

Они спустились вниз, и Лев Математик открыл тяжелую кованую дверь своим ключом. В подвале было темно и холодно. На кирпичных стенах колебались длинные тени от пламени свечи. В большой комнате на высоких столах стояли колбы, реторты и другая посуда алхимиков.

— Здесь, в этой комнате, триста лет назад великие алхимики Византии изобрели греческий огонь, — сказал Лев Математик.

Негромкий голос его глухо отражался от кирпичных стен. И никаких других звуков в этом помещении не было слышно.

Лев взял большую чашу с водой и поднес ее к металлическому сосуду.

— Наблюдай!

Он плеснул из сосуда темную густую жидкость в чашу с водой, и жидкость эта сразу загорелась. Чаша окуталась паром. Казалось, горит сама вода, превращается в серые клубы.

— Здесь хороший ветер, — сказал Лев, указав на отверстия в стене. Сероватый пар всасывался в эти отверстия.

— Если жидкость из сосуда плеснуть на человека, он воспламенится. Плеснешь на корабль — корабль сгорит. Греческий огонь — главное оружие нашего флота. Вооруженные им, наши корабли стали непобедимыми. Лишь избранным людям в государстве известно, как надо

готовить смесь. С сегодняшнего дня я буду учить тебя и этому. Поэтому ты и дал клятву молчания.

Однажды после занятий Константин шел по улице вместе со слугой Андреем и увидел страшную сцену.

Сначала он слышал крики, свист и топот. Потом показалась сама толпа. Она окружала старца, которого везли верхом на осле. Так возили осужденных разбойников да людей, проклятых церковью.

Старец на разбойника не походил. Он сидел гордо, глядя поверх хохочущей толпы, словно не чувствовал своего позора. Его охраняли всадники, иначе толпа могла бы стащить старика на землю, растоптать его.

— Иоанна Грамматика везут, — объяснил Андрей. — Он на собственную жизнь хотел покуситься, а это, сам знаешь, страшный грех. Его теперь ссылают в монастырь.

Совсем недавно иконоборец Иоанн Грамматик был патриархом византийской церкви, вторым человеком после императора. Тогда многие старались приблизиться к нему, край одежды хотя бы поцеловать. Теперь, когда его свергли, те же люди с удовольствием издевались над ним.

На старца показывали пальцами, какая-то женщина протиснулась и плюнула в него, мальчишки бросали комья грязи, а старик по-прежнему сидел гордо.

Не мог Константин спокойно смотреть, как толпа издевалась над беспомощным человеком, стыдно ему стало и больно.

В тот момент, когда старец поравнялся с ним, Константин бросился вперед и крикнул:

— Оставьте старца! Кого позорите вы — самого Иоанна!

И хотя кричал это четырнадцатилетний юноша, но столько отчаяния и страсти было в его голосе, что удивленная толпа расступилась, стихла.

ИКОНОБОРЦЫ ПРОТИВ ИКОНОПОЧИТАТЕЛЕЙ

Отступление

Первые христиане были бедны. Кругом стояли каменные храмы язычников, мраморные и бронзовые статуи богов, роскошные алтари, а христиане собирались тайно, и не было у них богатых украшений для церкви, даже церкви самой не было.

— И Бог ваш такой же нищий, как вы сами, — насмехались язычники, — богам нужны богатые подношения, а вы нищетою только унижаете своего Бога. У вас даже изображения его нет.

Прошло несколько веков...

Военную добычу, золото, драгоценные камни жертвовали византийские императоры церквям. На постройку храма Софии царь Юстиниан истратил доход империи за шесть лет.

Первые христиане гордились бедностью. Эти — роскошью. Сначала христиане вовсе не изображали своего Бога. Затем иконы были допущены в церковь, чтобы не понимающие грамоту могли узнать из рисунков то, что не сумели прочесть в книгах. Это были картинки, рассказывающие о вере.

Скоро все христианские церкви были переполнены иконами и скульптурными изображениями Христа, Богородицы и различных святых, они были богато украшены. Священники внушали верующим, что изображения эти созданы не простыми людьми, но ангелами и знаменитыми святыми.

Теперь уже сами картинки объявляли святыми. У них вымаливали урожай и хорошую невесту. С ними ходили в битвы. Верили, что даже кусочек краски со святой иконы может вылечить от смертельной болезни. И краску соскребали, по вечерам дома молились всей семьей на нее.

В Риме стояла бронзовая статуя апостола Петра, у которой верующие за несколько веков поцелуями стерли подбородок и часть ступни.

Иноверцы снова потешались над христианами.

— Хвастаете, что поклоняетесь Единому Богу, а на самом деле у вас больше богов, чем было когда-то в эллинских языческих храмах. Тех богов вы разрушили, а своих наделали. Уверяете, что исповедуете духовное учение, и не стыдитесь публично поклоняться фигурам из металла, камня и дерева, рисункам на дереве и полотне!

— Мы захватили ваши города вместе с церквями. Чудотворные иконы не спасли ваших церквей, — смеялись другие.

Император Лев Третий мыслил ясно и четко. Не зря он добрался из простых солдат до царского трона. Он решил очистить христианскую веру от остатков язычества, а заодно отобрать власть у церковников и монахов. В 726 году большая часть икон была вынесена из церквей, а оставшиеся Лев Третий повелел повесить в церквях так высоко, чтобы народ не мог целовать и касаться их. Иконы можно было только рассматривать издали, на них запрещалось молиться.

С тех пор больше ста лет страну потрясали смуты. Один император сменял на троне другого. Иногда торжествовали иконопочитатели. Тайно сбереженные иконы торжественно возвращали в храмы и усиленно молились им. Потом вновь побеждали иконоборцы. Они опять уничтожали изображения святых, а порой вместе со щепками от икон летели и головы иконопочитателей. Последним императором-иконаборцем был Феофил. Однажды в споре разъяренный монах сказал ему, что Божеское проклятие горит у него на лбу.

Феофил усмехнулся и вместо ответа приказал на лбу у монаха выжечь бесстыжие стихи.

Царица Феодора и логофет Феокист были тайными иконопочитателями. Вот почему после смерти царя Феофила неистовый иконоборец, главный советник царя патриарх Иоанн Грамматик, был низвергнут. Трусливый дядя царицы Мануил из ярого иконоборца немедленно стал ярым почитателем икон.

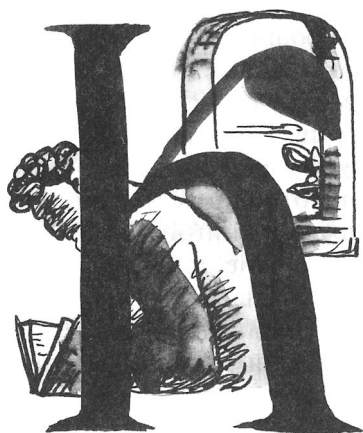
День, когда Феодора разрешила внести иконы в храмы, до сих пор отмечается церковью и называется днем православия.

Тогда же и Лев Математик, племянник Иоанна, с радостью оставил место епископа в Солуни и вернулся в столицу.

Церковные дела его мало интересовали. Ему были скучны споры иконоборцев с почитателями икон.

Некоторые требовали сослать его куда-нибудь — все-таки племянник Иоанна. Но Варда поставил его во главе будущего университета.

ВСТРЕЧА С ВАСИЛИЕМ

онстантин вставал на рассвете, одновременно с Феоктистом. Завтракали они вместе.

У Феоктиста дел становилось все больше. Брат царицы, Варда, проводил время в увеселениях. Делами империи управляли Феодора и Феоктист.

— Вырастет наследник и увидит, что казна за эти годы умножилась втрое, — говорил логофет.

О воспитании наследника по-прежнему никто не беспокоился. И в то же время Варда не подпускал к нему никого.

— Вчера наследнику подарили красивого щенка. Он приказал разрезать щенку живот, чтобы посмотреть, что у того внутри. И никто не посмел удерживать его, — жаловался Феоктист Константину.

Сразу после завтрака Феоктист отправлялся во дворец, проходил в женскую половину и решал с царицей дела страны.

В это же время в своем доме усаживался за дела Фотий. Первые утренние часы он посвящал научному трактату.

В те же часы и Константин садился за книги.

Потом он шел на занятия к Фотию.

В те первые месяцы Константин чувствовал себя так, словно бежал за уносящейся колесницей, пытаясь вскочить в нее на ходу. Он читал новые книги, раздумывал над ними, сопоставлял мысли авторов и читал снова. Но колесница уносилась дальше, и надо было бежать изо всех сил, чтобы догнать ее.

Чтобы получить высшее образование, полагалось изучить семь наук. Три словесные: грамматику, риторику, философию, и четыре математические: арифметику, музыку, геометрию и астрономию.

Теперь у Константина были книги. Он брал их у Фотия, у Льва Математика, в патриаршей библиотеке. Его учителя были самые образованные люди страны. У него появились хорошие друзья. С одним учеником он изучал Гомера, с другим — законы музыки, с третьим решал хитроумные математические задачи. Все вместе под руководством Фотия они упражнялись в искусстве красноречия — риторике, учились логично доказывать свои мысли, убеждать слушателя.

Однажды ученики Фотия опять заговорили о поэтессе Касии. Они стали сравнивать ее книгу изречений с другой книгой — Иоанна Стобея. Не все читали Стобея, и поэтому многие лишь слушали. А Константин уже брал Стобея в библиотеке у Фотия.

Касия писала для себя, лишь о своих переживаниях и мыслях. Стобей расположил изречения по темам. Там были разделы: «О мире и войне», «О законе», «О власти и могуществе». Его изречениями пользовались проповедники, юристы, поэты. Константин увлекся и стал сопоставлять изречения Касии не только со Стобеем, но и с Менандром. Неожиданно в комнате стало тихо. Ученики смотрели на него удивленно и со вниманием. Константин не сразу понял, в чем дело, и смутился.

— Хвалю тебя за глубокие мысли! — Фотий встал со своего места и зашагал по комнате. — Некоторые твои сопоставления, если ты не возражаешь, я внесу в свою книгу.

Такого Фотий еще не говорил здесь никому.

А в другой раз Константин сравнивал поэму древнего Гомера о скитаниях Одиссея с «Энеидой» Вергилия. Снова все были поражены — ведь даже сам Фотий не знал латинского языка!

Незаметно Константин становился первым среди учеников. Все они были старше его. Но стоило ученикам заспорить, то, если рядом не было Фотия, они обращались только к Константину.

— Скажи, кто автор гекзаметра «Часто при расприх почет достается в удел негодяю». Его мы сегодня слышали от Фотия.

— Автор этого стиха не известен никому, — отвечал Константин, — а читан он был Каллисфеном, учеником и родственником Аристотеля, на пиру у Александра Македонского.

— А откуда эти строки:

Нет в мире положенья столь ужасного.
Нет наказания Божьего, которого
Не одолел бы человек терпением? —

спрашивал другой ученик.

— Это строки из Еврипидовой драмы «Орест». Их любил повторять Сократ, который видел «Ореста», поставленного автором на сцене.

— Константин знает все, — уверовали ученики.

Феоктист любил вечером заглянуть к Константину.

— Из твоих книг можно построить крепостную стену, — говорил он улыбаясь, — неужели все это ты одолеешь за год?

— За неделю, — отвечал Константин.

Феоктист подходил, брал какую-нибудь из книг, рассматривал ее страницы.

— Я рад, что не ошибся в тебе. Думаю, что мудрость твоя скоро не уместится в этой комнате. Но не пугайся, я постараюсь найти для нее неплохой дворец.

Как-то раз Феоктист спросил у Константина:

— Ты давно не писал брату?

— Писал недавно. Он доволен своей службой.

— Напиши ему завтра, поздравь с повышением. Царица дала ему новую должность. Если он будет и дальше так же исправно служить, скоро быть ему стратигом.

В другой раз Феоктист забеспокоился:

— Слуги мне сказали, что ты иногда по целым дням не выходишь из дома. Завтра на ипподроме состязания, почему бы тебе не посмотреть их. Там появился новый наездник, все только о нем и говорят.

В церквах сегодня было пусто. Лишь голоса служек-клириков гулко звучали в храмах. А столичные жители с утра собирались на ипподром, чтобы занять места поудобней.

Порой и монах, прячась за спины, прокрадывался на ипподром, чтоб краем глаза посмотреть зрелище, а потом отомолить свой грех.

На витринах лавок ювелиры выставили самые изящные свои изделия. Улицы были украшены золотыми шелками. А торговцы на подходах к ипподрому раскинули лотки, угощали народ вином, сыром и хлебом, овощами и рыбой.

Издавна зрители делились на четыре партии. Но главными были две — партия голубых и партия зеленых. Каждая содержала своих коней и своих наездников. Представители партий являлись на царские праздники, чтобы славить василевса от имени народа.

Члены царской семьи вместе с приближенными наблюдали за состязаниями с особого строения — кафизмы. Кафизма опиралась на 24 мраморные колонны, и выходили на нее цари прямо из дворца по специальной галерее. В том же строении был зал для приема гостей, чтобы царь мог пообедать, не уходя с ипподрома.

Константин любил смотреть, задрав голову, на башню, возвышавшуюся над кафизмой. Там, на башне, в небесной голубизне готовы были сорваться с места четыре бронзовых мускулистых легконогих коня работы гениального скульптора Лисиппа, современника Александра Македонского. Лисипп сделал эти изваяния для Коринфа. Прошли века, и Рим перевез их к себе. Через несколько столетий коней забрал Константинополь. А после того как крестоносцы разорят столицу Византии, бронзовые кони перекочат в Венецию и украсят портал собора святого Марка.

Лавочники и чиновники, плотники и каллиграфы, торговцы шелком и воины-стратиоты, матросы и вольноотпущенники заполнили скамьи ипподрома. Все они громко переговаривались, ждали, когда появится наконец царская семья.

В это время Константин стоял во дворце вместе с Феоктистом, кругом были другие знатные сановники. Издалека доносился гул ипподрома. Слуги собирали наследника.

Появился трезвый и важный Варда. Наследника он вел за руку. Телохранители, стерегущие переход на ипподром, расступились, замерли. Варда с наследником двинулись первыми, за ними торжественной процессией шли приближенные.

На кафизме Варда поднял наследника, показал народу. Народ, увидев мальчика, одетого в шитые золотом шелка, в багряные сапожки — знак царской власти, приветствовал его стоя.

Приближенные расходились по своим местам. Константин стоял рядом с логофетом, оглушенный криками многих тысяч людей.

Наконец эпарх кивнул глашатаю. Глашатай встал возле медной двери у основания кафизмы. Его голос считали как бы голосом самого императора. Поймав кивок эпарха, глашатай важно выпрямился, вобрал воздух и провозгласил на весь ипподром:

— Да озарит мой свет всех вас, ромеи! Начинайте!

Первыми шли соревнования в искусстве наездничества.

Наездники выезжали на красавцах-конях, привезенных со всего света — из далекой Испании, от арабов, из хазарских степей.

Уже во втором заезде случилась беда.

Сильный, в рыжих яблоках конь внезапно остановился перед барьером, наездник упал и разбил лицо. Он тут же поднялся, позвал своего коня. Но конь уже мчался по ипподрому, искал место, откуда можно вырваться на свободу.

Поле ипподрома отделялось от зрителей небольшим рвом. Вышедший из повиновения конь легко мог перемахнуть через него.

Ипподром затаился в страхе.

Навстречу коню бежали служители, а конь был уже совсем близко от передних рядов зрителей.

Но тут нагнал его другой наездник. В мгновение он поднялся на своем коне и перепрыгнул на одичавшую лошадь.

И уже не дикий, вырвавшийся на волю зверь, а смиренный, покорный наезднику конь был под ним! Наездник повернул коня и лихо прошел на нем преграды, выставленные на ипподроме.

Зрители славили его так же громко, как недавно малолетнего Михаила. Особенно сильно радовались голубые. Неудачник принадлежал к партии зеленых. Те поносили его, грозили кулаками.

Победитель как раз проезжал мимо кафизмы, радостно подняв руки. Лицо его показалось Константину знакомым.

В перерыве народ развлекали цирковыми выступлениями.

В это время служители очищали ипподром от преград.

Теперь начались состязания на колесницах.

И снова победил всех возница со знакомым лицом.

Он и тут пришел первым, а потом сделал по ипподрому почетный круг.

— Победил в состязаниях Василий из Македонии! — объявил глашатай.

Варда поманил к себе Василия. Тот подъехал к кафизме, спрыгнул на землю и поклонился до земли. Варда, милостиво улыбаясь, бросил ему сверху кошелек, набитый деньгами. Василий ловко поймал его, снова поклонился, а когда поднимал голову, заметил Константина, сидевшего вблизи Варды, и весело подмигнул ему.

Тут уж Константин узнал его. Это был тот самый человек, с которым вместе когда-то подходили они к столице. Человек, выручивший однажды Константина от нападавших константинопольских нищих.

Народ нехотя расходился с ипподрома после состязаний. Константину и Феоктисту полагалось проводить царскую семью. Феоктист остался во дворце, чтобы переговорить о делах, а Константин вместе со слугой Андреем отправился домой.

Люди стояли у портиков, сидели в кабачках и всюду обсуждали бега.

Когда Константин пересекал площадь Августеон, от толпы, облепившей колонны царского портика, отделился Василий Македонянин.

— Однажды я брал у тебя займы, юный господин. Теперь я сам могу дать в долг кому угодно. — Василий вынул тяжелый кошелек, который бросил ему Варда, потряс в воздухе.

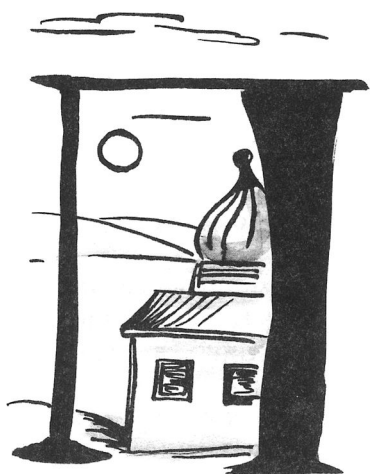
Он достал три золотые монеты и протянул Константину.

— Ты брал у меня две номисмы, — растерянно проговорил Константин.

— Все так же прост! — засмеялся победитель состязаний. — Кто же дает в долг без прибыли? Одна номисма — это твоя прибыль. — Он повернулся к толпе и зычно крикнул: — Эй, уличные жители! Сегодня все кабаки наши!

— Ведь пропьет деньги, — растерянно сказал Андрей, — мне бы часть их, чтоб выкупиться на волю.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

рошло десять лет с того дня, когда Константин впервые въехал в город. Теперь он знал столицу, словно родился здесь.

За эти годы он стал выше ростом, но был по-прежнему неширок в плечах, издали его могли принять за подростка.

Слуга его, Андрей, оставался при нем. Когда-то он продал себя логофету за тридцать номисм, чтобы отец и братья купили булочную. Казалось, родные Андрея работали изо всех сил, но отработать те деньги не смогли.

За эти годы Андрей растолстел, и, если бы не одежда, со стороны могло показаться, что это он важный господин.

Прежде думал Константин, что стоит приналеечь на книги, и премудрость мира немедленно откроется перед ним. Оказалось иначе — чем больше он узнавал нового, тем больше открывалось неведомого. Он изучил книги Птолемея, Архимеда, Платона и Аристотеля. Фотий познакомил его с медицинскими и юридическими трактатами.

Лев Математик шутил, что Константин в знании арифметики может уподобиться Пифагору, познания в геометрии позволяют ему считаться Евклидом, а умением высказывать суждения он может сравниться лишь с Аристотелем.

Друзья всерьез звали Константина философом. Бывало, что или Константин, или Фотий, ставший государственным секретарем, узнавали о вновь найденных книгах в каком-нибудь монастыре или частном доме. Вместе они немедленно отправлялись туда.

Чаще это были пустые грамматические и риторические учебники, сборники, составленные из небольших отрывков древних поэтов, историков и ораторов, приспособленные для школьного обучения.

Зато когда они находили старый папирусный свиток с прозой или стихами, которые мир считал уже утерянными, они тут же принимались разбирать расплывшиеся от сырости строки, читали друг другу вслух открытую рукопись, по дороге назад только о ней и говорили.

То, что за тысячу лет до них писали великие авторы, Фотию и его ученикам пришлось восстанавливать заново, и много древних великих книг спасли они для будущих поколений.

Иногда рукопись была писана латынью. Фотий, не знавший латинского языка, с благоговением слушал перевод Константина. Ведь некоторые книги греческих авторов сохранились лишь в латинском переводе.

А Константину было мало трех языков — славянского, греческого и латыни. Один из слуг логофета был образованным пленным арабом. Константин изучил с его помощью язык арабов и письменность.

Он удивлялся, как много времени люди проживают зря. Часами выстаивают на церемониях, чтобы встретить и проводить царскую семью, прокричать вместе с другими ей «славу». И хотя сам тоже обязан был являться во дворец на церемонии, ходил туда редко и с неохотой.

— Феоктист, желая с твоей помощью воспитать Михаила, сделал более важное дело — он воспитал для нашей страны ученого, — сказал как-то раз Фотий. — И все-таки не всегда же ты будешь жить при

логофете... Михаил подрос и все чаще ссорится с Феоктистом. Ты знаешь историю не хуже меня. Самые великие люди исчезали у нас в одно мгновение. Я думаю, что дело до этого не дойдет, но, если немилость трона падет на логофета, она падет и на его дом. Подумай, не пора ли логофету подыскать для тебя должность? Ведь события могут так повернуться, что уже не он тебе, а ты поможешь ему. Как сказал великий Еврипид: «Противен мне мудрец, кто для себя не мудр».

Каждое утро Феоктист, наскоро съев маслины да хлеб, занимался делами. Он поседел, но оставался по-прежнему быстрым в движениях. Последнее время выглядел он угрюмо.

О ссорах его с наследником Константин знал не только от Фотия. Порой Феоктист звал Константина с собой за город.

Верхом они выезжали в луга. Там Феоктист приказывал слугам ехать далеко позади.

— Приходится даже в старых слугах подозревать шпионов. Варда любого из них может подкупить или запутать, — говорил Феоктист. — Варда вовсе испортил характер наследника. Нетрудно понять, зачем это ему нужно — спаивать юного Михаила и потакать всем его нелепым капризам.

Он не ждал ответа от Константина, потому что о дворцовых интригах Константин знал намного меньше. Просто думал вслух.

— Сначала я считал, что Варда просто по недомыслию позволяет Михаилу совершать все безобразия. А теперь начинаю подозревать тайные планы. В свое время мы со Львом Математиком советовали допустить тебя к Михаилу. Был бы ты ему старшим другом, воспитателем и учителем. Мне казалось, что Варда соглашается с нами. Но согласие то было притворным.

Навстречу приближался всадник. Феоктист сразу прервал разговор и молчал, пока всадник не удалился.

— На днях Михаил в присутствии Варды потребовал у меня отчета по делам казны. Я подумал: «Зачем? Ведь я отчитываюсь перед царицей. И Варда знает об этом. Даже Феофил, уж он-то всех подозревал,

мне верил». Однако отказать не мог. Да и бояться мне нечего, я обола не присвоил, и в казне сейчас столько золота, сколько было в редкие счастливые годы.

Феоктист в который раз оглядывался на слуг, не приблизились ли они. Слуги были далеко.

— Представил я им отчет. А Михаил говорит: «Маловато. Я думал, моя казна гораздо богаче». Я оскорбился и отвечаю: «О такой казне ни багдадский халиф, ни франкский король мечтать не могут». А наследник покосился на Варду и говорит: «Ну раз казна такая богатая, она не обеднеет, если я возьму две тысячи номисм». Я молчу, ожидаю, что скажет Варда. А тут и Варда приказывает: «Выдай немедленно две тысячи номисм, если тебе велит мой племянник!» Я выдал, что оставалось делать. Добро бы на пользу, а он наградил ими того самого македонского возничего, Василия. Василий собрал всех пьяниц города и за три дня деньги пропил.

Вечером Феоктист зашел в комнату Константина. Как всегда, взял одну из книг, стал ее листать.

— Тебя уже зовут философом, и я уверен, не зря, — начал он разговор. — А скажи-ка мне, философ, чем занимается философия?

— Познанием вещей Божеских и человеческих, — ответил Константин.

— Я хочу поговорить с тобой о вещах человеческих, — сказал Феоктист. — Брат твой, Мефодий, уже стратиг славянской области. Не пора ли и тебе остепениться?.. — Феоктист помолчал, подумал немного. — Ты, конечно, легко можешь найти место учителя. Любой был бы счастлив учиться у тебя, но, я думаю, такое место слишком низко для человека из моего дома. За эти годы ты стал мне более дорог, чем если бы был сыном... И вот что я надумал...

Константин хотел было что-то сказать, но Феоктист, сделав повелительный жест, сказал:

— Подожди. Вот что я надумал. У меня есть крестница, ты знаешь ее — это Мария. О приданом ее можешь не беспокоиться, к тому же она красива, добра. Вы должны пожениться. Женившись, ты получишь сразу воеводство, должность стратига. Отец твой мечтал стать стратигом, но умер лишь друнгарием. Твой брат уже стратиг. Ты получишь соседнее воеводство. Подумай, как это хорошо — два брата, оба правят по соседству. Мне, конечно, жаль будет расставаться с тобой, но я вижу, ты уже достаточно зрел для самостоятельной службы.

Феоктист был доволен.

— Что ты скажешь на это?

Тихо улыбаясь, Константин отрицательно покачал головой.

— Неужели тебе не подходит Мария? Подумай. Лучше жены тебе не найти: богата, умна... — Феоктист взглянул на Константина. — Но, может быть, ты выбрал другую, а я не знаю об этом. Назови ее имя.

Любой дом в этом городе будет счастлив породниться с моим. Не стесняйся, скажи мне, кто ее родители. Все остальное я улажу сам.

— Я выбрал невесту давно, — ответил Константин. — Но... она далека от того, что ты предлагаешь мне.

Лицо Феоктиста было удивленным и растерянным.

— Я хочу, чтобы ты был богат, чтобы тебя почитали окружающие. Не век тебе сидеть над книгами... Хорошо, скажи мне, что выбрал ты? Может быть, я в силах исполнить твое желание? — спросил Феоктист, поняв, что согласия жениться он не получит. — Или ты всерьез считаешь, что буквы в этих книгах важнее богатства и почестей?

— Пожалуй, именно так я и считаю, — Константин снова улыбнулся. — Патриаршей библиотеке нужен библиотекарь, хранитель книг. Я был бы счастлив, если бы стал им.

— Это место, конечно, требует от человека большой учености, но оно слишком низко для тебя. Что скажут другие — ведь ты рос в моем доме?

— Это место достаточно высоко для того, кто хочет просветить свой разум, — ответил Константин твердо.

ДИСПУТ

же десять лет бывший патриарх Иоанн Грамматик жил в монастыре под присмотром. Когда-то был он вторым человеком в империи, воспитателем и советчиком царя Феофила, а теперь в церковных книгах рисовали на него карикатуры, показывали, как сгорает он в адовом огне вместе со страшными грешниками. Но Иоанн по-прежнему считал себя правым, победивших почитателей икон называл еретиками, рассылал друзьям письма, утверждал, что лишь насилие свергло его. Письма стали известны и во дворце.

Царица Феодора всегда почитала иконы. Даже о муже своем она сочинила легенду, что он в последние дни раскаялся, целовал образ Спасителя.

— Не вызвать ли нам этого старика сюда и не устроить ли публичный диспут? — спросила она логофета Феооктиста, когда он в очередной раз докладывал ей о делах в империи. — Пусть все убедятся, что его заблуждения нелепы и вредны.

Хотя Феокист и сам почитал иконы, сейчас он ничего не мог посоветовать Феодоре. В церковных спорах Феокист разбирался плохо.

— Воспитанник твой, Константин, недавно принял священнический сан, став патриаршим библиотекарем, говорят, он очень образован в философии. Не приказать ли ему вести тот спор?

— Константин, конечно, образован, но ему двадцать четыре года, Иоанну же семьдесят, и он всю жизнь изучал Божественные книги...

— Вот и хорошо, что изучал. Уж если Константин победит его в споре, сразу станет ясно, за кем истина.

— Искусством рассуждать и доказывать ты владеешь в совершенстве, — сказал Фотий Константину, когда узнал о будущем диспуте, — думаю, что ты победишь. Но лучше бы они дали старику умереть спокойно.

К диспуту Константин готовился всерьез. В патриаршей библиотеке он перечитал места из святых книг, в которых говорилось о пользе икон.

Он видел Иоанна Грамматика лишь раз, мальчишкой, в тот момент, когда гнали того верхом на осле, а он пытался спасти его от насмешек толпы.

— На улицах люди только и говорят, что о твоём споре, — рассказывал Андрей, — веселых праздников так не ждут.

Были минуты, когда Константин хотел убежать, скрыться куда-нибудь в дальний монастырь, лишь бы не участвовать в споре с оскорбленным стариком. Ему было и больно, и страшно.

— Ты должен победить, — внушал ему Фотий, — выбора нет. Иначе всем нам, твоим учителям, будет плохо.

— Если откажешься, гнев царицы падет и на мою голову, — убеждал Феокист.

Наконец назначенный день настал.

Зал был полон.

С Константином пришли все друзья — ученики Фотия и Льва Математика.

Иоанна Грамматика привели под стражей, и не было рядом с ним друзей. Те из них, что сидели в зале, даже знака не смели подать.

Старик Иоанн вышел на возвышение так же гордо, был он все так же прям, как и десять лет назад до своего свержения.

Но когда он увидел напротив себя юношу, то на секунду лицо его выдало растерянность.

— Вы что же, посмешище выдумали вместо спора? — сказал он гневно. — Равнять меня с этим юнцом решили? Не пристало мне состязаться с ним!

— Действительно, все превосходство и опыт старости на вашей стороне, — ответил спокойно Константин, — но я готов к диспуту.

— Начинай диспут! Или ты испугался, Иоанн? Тогда сознавайся и кайся! — кричала публика и даже затопала в поддержку слов Константина.

Иоанн взмахнул рукой, словно боец, сделал шаг вперед и задал первый вопрос:

— Скажи мне, юноша, разве христиане поклоняются разобранному кресту?

— Нет, — отозвался Константин. Он пока еще не знал, куда клонит Иоанн.

— А почему они не молятся на части креста?

В зале было совсем тихо. Все хотели услышать, что ответит Константин.

— Потому что сами по себе, в отдельности, части креста — это просто куски дерева.

Иоанн снова поднял руку.

— Тогда скажи мне, почему вам не стыдно молиться на те же куски дерева, которые вы называете иконами.

Константин молчал.

Иоанн отступил назад. Он понял, что победил, и ему даже жалко стало этого худосочного юношу, так храбро вызвавшегося спорить с ним.

Он еще раз взглянул на Константина, хотел жалостливо покачать головой и удивился. Оказывается, у юноши был готов ответ.

— Икона — это действительно кусок дерева. Но ты ошибаешься, когда утверждаешь, что мы молимся дереву. Источник твоего заблуждения — смешение понятий сущности и ее внешней формы. Мы думаем во время молитвы не о дереве, а возносимся мыслями к тому, чей запечатленный образ мы видим.

Что поднялось тут в зале!

Все вскочили, принялись топтать, свистеть, кричать. Многие показывали на Иоанна пальцами и хохотали.

Иоанн пытался задать следующий вопрос, но Константин его едва расслышал.

— Какое изображение Господа соответствует действительности, если его рисуют по-разному у греков, латинян, в Египте и Индии?

И на этот вопрос он нашел достойный ответ.

— Скажи, одинаковые ли эти слова? — Тут Константин произнес слово «жизнь» по-латински, по-арабски и по-славянски.

— Конечно разные, — ответил Иоанн Грамматик, не знавший тех языков.

— Ты ошибаешься. Я произнес одно и то же слово. Как видишь, внешняя форма может быть разная, а сущность одна...

— Хвала Константину! — орали во всю глотку люди, точно так же, как на ипподроме они славили возничего Василия. — Константину-философу слава!

Теперь публике было уже все равно, она считала Константина правым, что бы он ни говорил.

Из задних рядов стал проталкиваться монах с рыжими лохматыми волосами. Наконец он вырвался на середину, подскочил к Иоанну, наставил на него палец и визгливо закричал:

— Ты! Ты у святого образа Димитрия глаза выжег! В келью ему икону повесили, — стал объяснять монах, почти рыдая, — а он глаза на ней выжег! Тыфу на тебя! — И монах плюнул в лицо Иоанну.

Толпа улюлюкала. Константину показалось, что о нем, об их споре уже забыли, но тут из зала крикнули:

— Философ! Ты там ближе стоишь. Хватит с ним спорить! Глаза ему надо выколоть, а не спорить!

— Выжечь глаза! Выжечь! — подхватила публика. Наконец стража увела Иоанна, и Константин подошел к своим друзьям.

Его поздравляли с победой. Феоктист при всех крепко обнял его, сказал, что завтра царица выдаст ему награду.

На улицах народ шумно радовался при его появлении.

А ему было пусто и горько. Не такой победы он хотел.

Он хотел честного боя и честного спора. Он хотел убедить гордого старца, а вовсе не победить его. И он бы убедил, он был уверен в этом. Но какое может быть убеждение, если каждое твое слово поддерживает беснующаяся толпа!

Константин вспомнил стихи Касии, те самые, которые обсуждали ученики в его первый день учения у Фотия:

Лучше потерпеть поражение,
Чем одержать недостойную победу.

Сейчас он еще сильнее почувствовал глубокий их смысл.

На другой день Феоктист радостно сообщил:

— Варда и Михаил приглашают тебя завтра на праздничный обед. Ты будешь самым почетным гостем.

Константин не любил дворцовые обеды с пьянством и нелепыми разговорами.

— Не вздумай отказаться, — Феоктист улыбнулся. — Это твоя обязанность, здесь твоей воли нет. — Тут же его лицо стало серьезным. — А может быть, тебе удастся воздействовать на Варду. Трудно мне с ним в последнее время.

Через некоторое время Феоктист вдруг сказал с сожалением:

— И все-таки жалко его! Вздорный старик, а жалко.

— Ты о ком? — удивился Константин.

— Да все о нем же, об Иоанне. Наказали его плетьюми, выкололи глаза и отправили в монастырь.

— Глаза! — Константин даже задохнулся.

Он вспомнил гордый, пронизывающий взгляд старика.

Феоктист удрученно махнул рукой.

— Варда припомнил, как старик публично укорял его: «Проще молиться идолам и жить в беспутстве и пьянстве, чем вести честную праведную жизнь». Теперь, после плетей, старик долго не протянет.

Когда Константин вышел на улицу, его вновь приветствовали прохожие.

Им было весело, они болтали о лошадях, о знаменитой великанше, которая приехала в столицу и показывалась за деньги.

На углу сидел нищий. Он тянул руку далеко вперед, лицо его было опущено вниз.

Константин поравнялся с ним, и нищий неожиданно поднял голову — вместо глаз у него были гноящиеся раны.

Константин отшатнулся, с трудом удержав крик, и, не обращая внимания на удивленно оглядывающихся прохожих, побежал к дому.

Он бежал, и лишь одна мысль билась в его голове. Это была строка из «Троянок» Еврипида: «О, скольких тяжких бед вы, эллины, виной!»

— О, скольких тяжких бед вы, эллины, виной! — повторил он уже вслух.

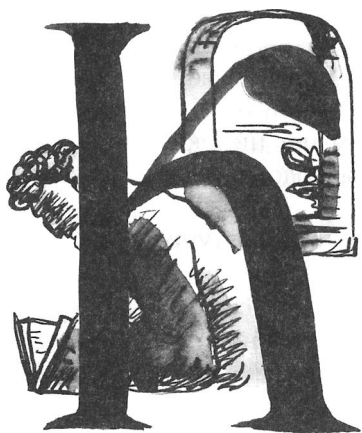
Утром он покинул этот город.

Он решил укрыться в монастыре, где-нибудь подальше, где никто его не узнает. Назваться другим именем.

Пусть он не думал, что результатом диспута будет ослепление старца. Но он не должен был приходить на диспут сам. Он вспомнил, как его уговаривали Фотий и Феоктист: «Только победа, иначе будет плохо и нам!»

Нельзя жить так, чтобы твоя воля зависела от чужой.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

онstantина искали полгода и не могли найти.

Он жил в хижине на морском берегу. Слуга Андрей был вместе с ним.

Кругом было пустынно, тихо.

Видимо, прежде здесь уже жили монахи, потому что стояло несколько жилищ. Потом это место запустело, обезлюдело.

Впервые в жизни Константин сам, своими руками возделывал землю, подправлял стены дома.

Иногда вместе с Андреем они ловили рыбу.

Жизнь была проста, и никогда он не чувствовал себя таким свободным.

Вечерами, сидя на остывающей морской гальке, Константин любил смотреть, как уходит солнце, любил думать о мире и о себе.

Вдалеке на горе стоял большой монастырь. Оттуда Андрей приносил муку, чтобы печь хлеба.

Однажды он пришел, и вид его был виноватым.

— Похоже, я выдал твою тайну.

— У меня нет тайн, но что сделал ты?

— Я разговорился со стариком монахом. Он всю жизнь был рабом, но ведь по закону ушедший в монастырь получает свободу. Он и захотел хоть в старости пожить вольно. Я ему в ответ о своей жизни тоже рассказал и о тебе заодно — даже не заметил. А он говорит: «Так ведь господина твоего ищут. И в нашем монастыре конники стоят, иноков расспрашивали».

Конники появились очень скоро.

Это были два крепких молодых парня во главе с сотником.

— Велено вас доставить в столицу незамедлительно, где бы вы ни были, — сказал сурово сотник, доставая из сумы приказ логофета Феоктиста, свернутый в трубочку. — Немедленно собирайтесь — и в дорогу.

Андрей принялся увязывать книги.

— Вам что, — говорил он Константину, косясь на конников, — а с меня логофет плетью кожу спустит.

— В приказе только обо мне. Про тебя там нет ни слова.

Конник услышал их тихий разговор и стал подозрительно приглядываться.

— Эй, господин, что это вы там шепчетесь? — упрекнул он. — Уж не сбежать ли задумали?

Потом повернулся к Андрею.

— Ты тут живешь или пришлый? Откуда взялся?

Раздумывать было некогда.

— Пришлый он, пришлый, — ответил за него Константин, — из другого монастыря пришел.

— А пришлый, так пусть и убирается, откуда явился. Давай, давай, не задерживай господина. Нам еще награду за него надо получить до праздников.

Константин и Андрей простились молча, лишь взглядами.

Андрей отправился на гору, туда, где виднелись стены монастыря. Там ждала его свобода.

Константин сел на коня и, окруженный конниками, двинулся к столице.

* * *

— Я нашел тебе прекрасное дело, — предложил Фотий. — Будешь преподавать философию в университете у Льва Математика. Ты лучший мой ученик, и лишь тебе можно доверить кафедру.

Константин согласился. Университет предоставлял скромный дом и самостоятельный заработок.

Вечерами он встречался с Фотием, как и раньше, в годы учения, обсуждал с ним спорные места из книг, часто говорили они об истории, о религии.

Порой Константину становилось страшно от этих разговоров.

Фотий мог с легкостью доказывать, что в человеке живут две души, а не одна, как говорила христианская вера. В следующий раз он издевался над самым священным в стране — над императорским званием.

— Вдумайся только в эти слова: «василевс ромеев» — царь римлян. Да разве мы римляне?

«Верит ли он в Бога, есть ли для него что-нибудь святое?» — спрашивал себя Константин, хотя и хорошо знал ответ на этот вопрос.

Солнечная эллинская культура, которую пытались уничтожить христианизированные народы, — вот что было святым для Фотия.

Сейчас эту культуру греки могли забыть вовсе. И Фотий повторял, что цель его — собрать обломки прекрасного, которые еще не успели исчезнуть во времени. Он обязан сберечь их для будущих поколений, для того он трудился всю жизнь, писал трактаты, составлял антологии, библиографии.

На тихой улице, где жил Константин, появилась роскошная свита всадников.

Любопытные сбежались посмотреть на них.

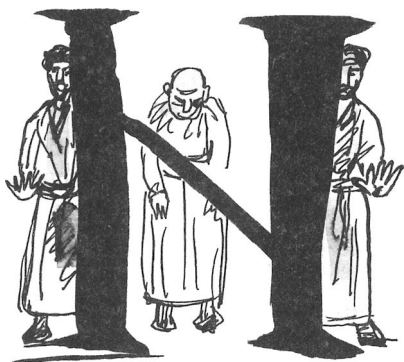
— Логофет Феоктист приехал навестить Константина Философа, — объясняли родители мальчишкам.

Константин боялся, что логофет посчитает его неблагодарным, обидится, готовился, возвращаясь в столицу, к разговору долгому и трудному.

Но Феоктист, обняв его, сказал:

— Я много думал о тебе эти полгода. Пожалуй, неправ я был, когда хотел вырастить из тебя логофета или стратига. Ты другой человек, и жизнь у тебя должна быть другая.

ГИБЕЛЬ ЛОГОФЕТА

есколько лет прошли спокойно.

Константин учил философии в университете, отыскивал с Фотием затерянные книги, углублял познания в языках.

Однажды болгары с реки Брегальницы попросили у Византии прислать священника. Раньше они были язычниками, а теперь решили креститься.

Послали Константина Философа. Лучше его мало кто знал язык славян.

Константин съездил, рассказал им о Боге, рае и аде, крестил их в святой воде, читая молитвы, и стали люди, заселившие берега Брегальницы, христианами.

— А дальше что нам делать? — спросили новые христиане Константина.

— Жить жизнью праведной, не обижать друг друга и соседей, просвещать свой разум.

Говорил он это, но уже понимал, что советы его пропадут без пользы.

Не могли они просвещать свой разум. Не было у них ни одной книги.

Потому что азбуки у славянских народов не существовало по-прежнему. Хотел Константин Философ оставить им какую-нибудь книгу, да что толку — не могли болгары с Брегалницы прочесть в ней ни слова, ведь книги у Константина были на греческом, а греческого они не знали.

И понял он, что просвещение народа без книг на родном языке подобно попыткам писать вилами по воде.

Вечером, накануне отъезда Константина, жители решили отпраздновать свое просвещение. Они врыли в землю большой крест, подвели к нему двух быков, зарезали их, обрызгали крест бычьей кровью. Потом двух пленных привели и уже взялись за топоры.

Тут выбежал из хижины Константин и впервые в жизни стал громко кричать, понося своих христиан.

Те топоры оставили, но удивились.

— Ведь Бога надо умиловать. Сначала мы Ему двух лучших быков отдали, а теперь дарим двух слуг.

Приказал Константин развязать несчастных пленных — старика и юношу. И снова стал объяснять, что это прежним идолам требовались жертвы, а христианскому Богу самое главное — честная жизнь. Слушатели недоверчиво кивали головами.

— Что же за Бог такой, если Он дары не принимает?

На том и кончилось крещение болгар с реки Брегалницы.

— Не крещение это, а издевательство. Издевательство над народом и святым делом. Что толку от крещения, если народ остается непросвященным! — Глаза Константина гневно горели, голос срывался.

— Я согласен с тобой. — Фотий, как всегда, был спокоен и говорил с усмешкой. — Но как ты хотел просвещать их? Дать им наши книги, научить нашему языку и заставить забыть родной?

— Нет, только не это! — Константин заходил по комнате.

— Я знал, что ты не согласишься. Назову еще один способ: перевести наши книги на их язык. Но для этого народ должен иметь письменность. У болгар на Брегалнице, как я знаю, письменности нет.

— Но ведь письменность можно создать. И не один болгарский народ в ней нуждается — все славяне, другие страны...

Фотий посмотрел на Константина с грустью.

— Видимо, ты не представляешь, о чем говоришь сейчас. Сколько ты знаешь храмов хотя бы в Константинополе?

— Немало.

— Именно немало, и у каждого был свой архитектор. А много ли ты знаешь людей, способных создать письменность? Да это потрудней, чем в одиночку построить храм. И потом, разве церковь так легко разрешит переводить священные книги на варварский язык? Или ты не думал обо всем этом?

— Об этом я думал, — сказал Константин, но тут же оборвал себя.

Уже несколько дней горели в нем мысли о письменности для славян, но пока это были лишь мечты, и делиться ими было рано. Даже с Фотием.

Через два года Константин возвращался в столицу из новой поездки. Рядом ехали два его помощника, следом двигался большой отряд. Вместе с вооруженными всадниками тащились на мулах изможденные люди.

И когда показались вдалеке стены столицы и купола родной Софии, принялись они радостно креститься. Это были пленные греки. Теперь Константин возвращал их домой из арабской неволи.

Логофет Феоктист послал Константина к арабам.

— Во-первых, ты вызволишь наших пленных людей. Во-вторых, поддержишь христиан, которых угнетают арабы. А в-третьих, сарацины обязательно устроят диспут.

Спутники Константина ехали по арабскому городу, тесно прижавшись к своему начальнику. Константин был моложе многих из них, но боязни он не выказывал.

— Смотри, гадости какие на дверях нарисованы! — шептались спутники.

И правда, на некоторых дверях были намалеваны отвратительные чудища, адовы твари, всяческие непристойности.

На диспут собрались самые ученые из мусульман, умудренные в астрологии, геометрии и других науках. Бородатые старцы в чалмах, они радовались молодости своего противника.

И конечно, первый вопрос был о тех непристойных чудищах на дверях домов.

— Какой в них смысл углядел молодой христианский философ? — спросили старцы, усмехаясь.

— Я увидел эти демонские образы на некоторых дверях сразу, как только въехал в ваш город, — ответил Константин. — Полагаю, что в домах тех живут христиане, демоны же бегут прочь из них. Зато внутри домов, где нет таких знаков, свободно живет все, что противно человеческому разуму.

Мусульманские мудрецы уже не усмехались — в присутствии эмира молодой иноземный противник сразил их в самом начале диспута.

А когда Константин стал цитировать наизусть святую книгу — Коран, да еще на арабском языке, все поняли, что он знает тонкости мусульманской религии не хуже собравшихся старцев.

Эмир засмеялся, махнул на своих мудрецов рукой и приказал прекратить спор.

— Мы убедились, что уважаемый посол богат пищей духовной, теперь пусть он убедится, что мы не менее богаты пищей земной, — сказал он, приглашая Константина на обед.

За обедом эмир еще раз высказал восхищение тем, что Константин хорошо говорит по-арабски.

— Лишь редкий образованный из арабов способен высказываться так красиво, как ты. Если юные из вас настолько умудрены знанием, что можно сказать тогда о ваших учителях!

Весь следующий день Константин обсуждал с эмиром договор о перемирии и торговле.

Рядом сидели писцы. Они записывали пункты договора на двух языках: греческом и арабском.

— Уже третий день я удивляюсь твоему здравомыслию. Можно подумать, что ты всю жизнь составлял подобные договоры, — сказал эмир, когда писцы поставили последнюю точку. — Сначала я решил, что ты преуспел лишь в философии. Теперь я должен сказать, что и практические дела ты вершишь успешно. Сколько платит тебе твой царь за службу? Не подумай, что это лишь любопытство. Я готов платить тебе втрое больше, если ты перейдешь на службу ко мне. Ты будешь окружен почетом, известностью.

Такие случаи были. Даже один из учеников Льва Математика поступил на службу к арабам.

— Ты образованный человек и наверняка знаешь, что Александр Македонский предпочитал казнить перебежчиков, — ответил Константин.

— Твой ответ достоин человека твоего звания, — проговорил эмир.

По договору Константин получил бывших рабов, а теперь снова свободных граждан Византии.

Они приближались к родной столице, и каждый был счастлив. Освобожденные греки продолжали креститься на купола Софии и утирали слезы умиления. Воины радовались концу опасного похода: арабы, о которых рассказывали столько страшного, не изрубили их на куски и не бросили на съедение шакалам.

Константин и сам радостно смотрел на городские ворота — ему, руководителю посольства, было трудней всего.

Наконец и городские ворота они проехали.

И тут на пути им попалась большая компания гуляк. Молодые сытые парни, дети зажиточных ремесленников, пели развеселые песни, окружив человека в одежде священника.

Но странное дело — священник не бранил их, он сам распевал с ними, а желающих окроплял уксусом вместо святой воды.

Всадники из свиты Константина хотели было схватить эту компанию, отвести всех к епарху, но Константин приказал не вмешиваться.

Они уже приближались к площади Константина Великого, когда им встретила совершенно странная процессия.

Процессия эта запрудила всю улицу, издалека слышалось ее нестройное развеселое песнопение.

Впереди шел придворный шут в одежде самого патриарха. Он гри-

масничал, нелепо подпрыгивал, и края одежды волочились у него по земле.

Следом за ним брели одиннадцать человек из дворцовой гвардии. Они были одеты в одежды константинопольских епископов: в ризы, шитые золотом. Следом шла толпа из придворной челяди, переодетая в костюмы священников и дьяконов. Их окружали городские пьяницы, а в середине всей группы возвышался возничий Василий. Время от времени он нагибался к человеку в одежде императора, доставал из сумки, висящей у того на поясе, деньги и бросал их в толпу.

На этот раз не выдержал и сам Константин. Он подъехал к толпе ближе.

— Кто позволил вам гнусный маскарад? — крикнул он ближайшему дворцовому слуге в одежде дьякона. — Прекратите постыдное издевательство над патриархом и императором!

— Кто позволил, говоришь? — пьяно ухмыльнулся он. — А сам император Михаил и позволил.

Константин вгляделся: в императорской одежде вышагивал действительно император Михаил. Он был пьян, едва держался на ногах и цеплялся за Василия.

С царем, особенно пьяным, спорить было опасно.

— Всем назад! Обойти площадь по боковым улицам, — скомандовал Константин. Он не хотел, чтобы его спутники видели эту компанию.

— А ведь в середине-то сам царь! — удивленно сказал все-таки один из всадников.

Освобожденные греки, которые умиленно плакали при виде константинопольских стен, были поражены больше всех.

«Что-то произошло страшное, — подумал Константин. — Так просто царь не вышел бы на улицу».

Они отъехали от площади совсем немного, и вдруг Константин услышал:

— Эй, Философ! Повороти-ка коня!

Константин обернулся.

Перед ним стоял возничий Василий. Теперь он казался совершенно трезвым.

— Я хочу тебя предупредить, — сказал Василий тихо и оглянулся, потом опять быстро заговорил: — К логофету в дом не ходи. Понял?

— Нет.

Василий вздохнул мученически, оттого что приходилось объяснять уже всем известные вещи.

— Я смотрю, ты издалека приехал, не знаешь наших новостей. Логофет твой оказался изменником. Варда приказал его арестовать прямо во дворце, и вчера его казнили. Царица Феодора отправилась в монастырь на поселение. Теперь у нас правит сам царь Михаил и помогает ему Варда.

Он взглянул на ошеломленного Константина, хлопнул его по плечу и засмеялся.

— Вот так-то, Философ! Да ты не бойся, я царю уже сказал: «Логофет сам по себе, а Константин Философ тоже сам по себе. Они даже в разных домах жили». Я ведь теперь в личной охране самого царя.

До Константина дошел не сразу страшный смысл слов Василия.

— Главное — веди себя тихо, — услышал он последний совет Василия. — Логофета твоего нет, а ты ведь пока живой.

Константин приказал своим ехать к епарху без него, а сам бросился к Фотию.

— Объясни, зачем они убили Феоктиста? — Константин, как был в дорожной пыльной одежде, ходил по рабочей комнате учителя. — Уж я-то знаю, он только и думал, как бы продлить в государстве покой да увеличить казну царя!

Фотий зло усмехнулся.

— Да тем-то он и не подошел Михаилу, что был чересчур серьезен. Дурачился бы вместе с ним, стал бы лучшим другом.

И Фотий рассказал о том, что произошло.

Михаил хотел жениться на Евдокии Ингерине, знатной, но глупой девушке. Феоктист и Феодора запретили ему. Михаил был взбешен. Этим воспользовался Варда.

Люди Варды внезапно окружили во дворце Феоктиста, схватили его и увели в темницу.

Варда тут же объявил во дворце, что он раскрыл измену. Михаил подтвердил это.

Теперь на пути к трону Варде мешала собственная сестра, мать Михаила царица Феодора.

— В монастырь ее! Сегодня же в монастырь! — тотчас распорядился Михаил, когда Варда осторожно заговорил с ним о том, что и она будто бы помогала готовить Феоктисту измену.

— Сначала я испугался за тебя, — продолжал Фотий. — Вдруг Варда решил сослать в монастырь и тебя.

— Я и сам не останусь здесь!

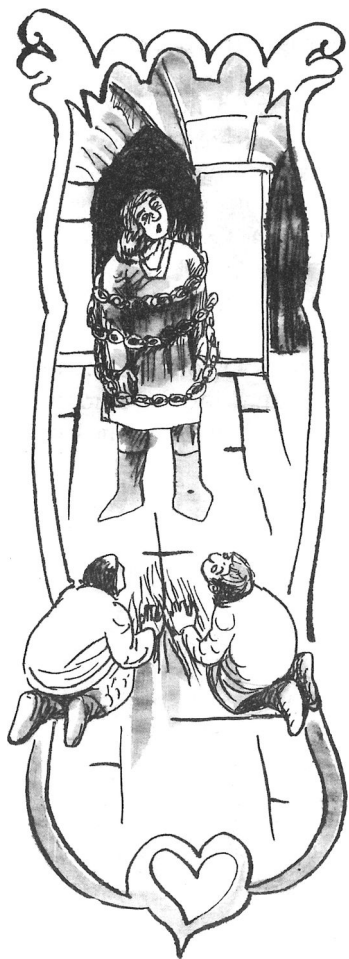
— Лев Математик вчера, как бы нечаянно, заговорил с Вардой о тебе. Варда сразу успокоил его: «Пусть остается в столице. Я знаю, он не замешан в измене».

— Я уеду из Константинополя, — повторил Константин.

На другой день Константин покинул столицу.

КОРОНОВАНИЕ В ЦЕПЯХ

Отступление

Деда царя Михаила тоже звали Михаилом.

Сначала он не был императором, а был обычным стратиотом-солдатом из бедной семьи. Он едва умел читать, но в битвах показал умение и силу, стал опытным военачальником.

В трудный момент он помог укрепиться на престоле Льву Пятому, и тот приблизил Михаила к себе.

Лев Пятый был жесток. Ежедневно в ямы за городом бросали десятки казненных жителей. Недовольные жестокостями стали готовить заговор. Возглавить переворот они предложили Михаилу. Михаил согласился.

23 декабря 820 года, за день до большого праздника — Рождества, заговор был раскрыт, Михаил схвачен.

Император приказал немедленно сжечь бывшего друга, неудачливого заговорщика, в бронзовой скульптуре быка на площади.

На площадь привезли уже дрова, но царица попросила мужа отсрочить казнь.

— Даже злейших врагов не убивают во время праздников, — уговаривала она, — это грех.

Император согласился. Он повелел сжечь Михаила наутро после праздника.

Михаила заковали в цепи, увели в дворцовое подземелье.

Вечером за час до праздничной церковной службы друзья Михаила переоделись певчими и проникли в дворцовую церковь. У каждого под одеждой был спрятан кинжал.

Началось торжественное богослужение. Телохранители стояли вдали от царской семьи. И тут неожиданно «певчие» бросились к императору, в одно мгновение закололи его кинжалами. Ошеломленные телохранители в страхе прижимались к стене. Восставшие не теряя времени кинулись в подземелье, вытащили оттуда закованного в цепи Михаила, привели его в храм и немедленно короновали.

— Мы слушаем твое первое императорское повеление, приказывай! — сказали друзья, падая на колени перед новым царем.

— Снимите с меня цепи, — ответил император. Это было его первым повелением.

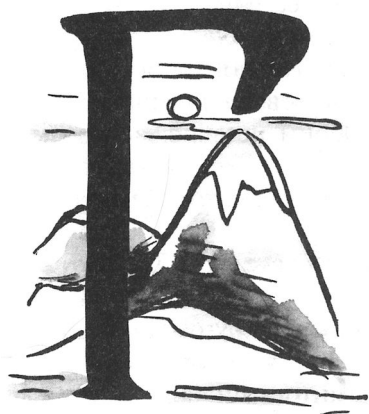
Таких приказов не отдавал еще ни один император в истории.

Лишь девять лет царствовал Михаил. После его смерти в октябре 829 года императором стал сын Михаила Феофил — двадцативосьмилетний образованный человек, воспитанник Иоанна Грамматика. В свободное от войн и государственных дел время Феофил сочинял церковные гимны.

Отец его, воин-стратиот Михаил, вышел из Амория. Там жили бабка и дед Феофила.

Теперь на месте знаменитого города из кирпичных обломков прорастала сорная трава. И не было отважного воина, полуграмотного царя Михаила, не было мудрого Феофила, династию продолжал юный пьяница, капризный и вздорный Михаил Третий.

ОЛИМП НА ГОРЕ

оворили, что некоторые отважные монахи взбирались на снежные вершины этой малоазиатской горы.

Лицо им обжигало жестокое солнце, яркий снег ослеплял глаза, но если прикрыть лицо и глаза ладонью, то можно увидеть в дальней шире Черное море и Босфор с окаймляющими его холмами. А сразу за проливом — главу Софии, всю Пропонтиду можно увидеть с синеющими фракийскими берегами, с ее островами, узкими заливчиками. На востоке лежат под горой зеленые равнины Галатии, Мизии, Вифинии, на юге — серые горные цепи Фригии, а на севере, прямо под горой, плещут, отражают солнце три озера, окруженные рощами. Светлая, сияющая, праздничная гора Олимп.

И не зря любили селиться пришлые люди именно здесь. В рощах, у озер и горных речек жили они в одиночку и маленькими монастырями.

Не зря и Мефодий выбрал для жизни именно это место, когда решил бросить службу стратига.

Прямодушный человек был Мефодий. И когда ему было велено усмирить восстание славян в соседней области, он отказался. Варда удвоил налог с тех славянских поселенцев, их восстание Мефодий считал справедливым.

Сейчас жил он в крохотном монастыре, домов в десять. Каждый здесь кормил себя сам, работал на винограднике, разводил овощи, никто не мешал другому размышлять о мире и о своем месте в этой жизни.

А потом и Константин к нему приехал.

Братья не виделись четырнадцать лет, всю взрослую жизнь.

И показалось Константину в первый момент, что он отца своего встретил, так Мефодий был на него похож. Такой же высокий, крепкий, с добрым лицом и веселыми глазами.

Рассказали они друг другу о том, кто как раньше жил, о своих прошлых печалях.

Иной бы удивился, слушая жалобы братьев. Не понял бы, чего же все-таки хотели они, если от богатства да славы отворачивались.

Но братья хорошо понимали друг друга. Обоим независимость была дороже богатства и славы.

И почувствовал Константин уже в первый тот день, что ближе, роднее, чем старший брат, нет у него человека.

А Мефодий то же самое подумал о младшем брате.

Выходил рано утром Константин из хижины, а кругом прохладные рощи да в небе сияющая вершина Олимпа. На узкой, отвоеванной от рощи полосе огород. Сверкают листья бриллиантовыми каплями росы, горный ручей перекачивает камни. Иногда дикий зверь выскочит из чащи, замрет, уставится в удивлении на человека, поймет, что опасности нет, и тихо отойдет назад за дерево.

Вслед за Константином появлялся и старший брат Мефодий.

И начинался у них душевный разговор о жизни, о книгах.

Книги, какие надо, пересылал им Фотий. Фотий по-прежнему жил в столице, по-прежнему были у него молодые ученики, по-прежнему сочинял он свои ученые труды.

А потом случилось с ним нечто невообразимое.

Молодой император Михаил и Варда рассорились с патриархом Игнатием.

Игнатий был человек серьезный и строгий, ему не нравилось, что по городу всякий день, а то и ночью шатается пьяная компания императорских собутельников.

Во время торжественной службы патриарх при всем народе отказал Варде в святом причастии. Этого оскорбления дядя царя снести не мог.

Варда решил убрать Игнатия с церковного престола, а поставить патриархом своего человека.

И показался ему самым подходящим на место главы всей византийской церкви Фотий.

«Науками занят да книгами, не будет лезть с поучениями и запретами», — думал Варда.

Так постепенно исполнялась тайная его мечта. Был он прежде лишь братом императрицы. А теперь один управлял страной. Михаил лишь назывался царем — важней государственных дел были ему зрелища и конюшни.

Фотий удивился, когда Варда предложил стать ему патриархом.

— Как же это — из мирян да вдруг в патриархи?

Был Фотий для церкви человеком из суетной жизни, лицом вовсе не духовным. Не знал он, ни как службу вести, ни какие когда молитвы читать.

С другой стороны, отказаться было невозможно. Откажешься быть другом — назовут врагом. Сразу попадешь в немилость. Попадешь в немилость — угодишь в ссылку. И разгонят круг его учеников, и не будет в столице ни школы глубоких знаний, ни тех книг, которые всю жизнь собирал он.

И о стране своей Фотий тоже думал. В стране жили десятки разных народов. Все они ждали добрых дел и умных решений от молодого царя.

Страну окружали воинственные племена. На границах ежедневно велись бои. Действительно, он, Фотий, был сейчас единственным человеком, который осторожными советами мог оградить Византию от бед, сохранить ее величие.

Фотий согласился.

Утром его постригли в монахи, на следующий день он был поставлен чтецом, на третий стал иподьяконом, затем дьяконом, потом священником. На шестой день он был рукоположен в епископы и получил патриарший жезл.

А как выбрали его патриархом, сразу понадобился ему Константин.

ПОСОЛЬСТВО В ХАЗАРСКУЮ ЗЕМЛЮ

огата, сильна была хазарская страна в то время.

Занимали хазары земли на Кавказе и в Крыму, приморские степи. Славянские племена — вятичи, северяне и радимичи — платили им дань. Подчинялись и поляне с тех пор, как три легендарных брата: Кий, Щек и Хорив — построили на Днепре городище Киев. Брат Варды стратиг Петрона помогал хазарскому царю-кагану строить на Дону крепость Саркел. Сам Фотий иногда вспоминал, что течет в нем и хазарская кровь.

Не знал хазарский каган, что страна его доживает в почете последние десятилетия.

Уже варяги и славяне — дружинники Аскольда и Дира — поселились в Киеве и освободили племя полян от дани хазарскому кагану. Теперь готовили они легкие свои корабли, чтобы двинуться по рекам за богатой добычей в хазарские земли, а потом и до самого Константинополя их корабли доплывут.

А после пойдет к Киеву дружина

новгородского воеводы Олега с малолетним сыном князя Рюрика Игорем. Объединят они силы двух городов — Новгорода и Киева. Сын Игоря, князь Святослав, и разобьет хазарское царство, разгромит столицу — город Итиль, что стоял на Волге в ста километрах от Каспия.

А вскоре придут на хазарскую землю лихие половцы. А половцев развеет по свету конница хана Батые. И не останется в мире ни одного человека, который мог бы назвать себя хазарином.

Лишь русские былины вспомнят о том, как боролись богатыри Добрыня да Илья Муромец с необыкновенным великаном козарином.

Во времена императора Феофила принял хазарский каган иудейскую веру.

Окружали его страну и мусульмане, и христиане, и язычники. Часто подступали к нему мусульманские посланники от хорезмийских шахов или сарацин и требовали:

— Прими нашу веру, а всех иноверцев гони со своей земли.

Того же требовали от кагана христиане.

Решил хазарский каган еще раз проверить, чья вера вернее. Пригласил он на диспут философов.

С этим и прибыли послы от кагана в Константинополь к патриарху Фотию, императору Михаилу и Варде.

Фотий вызвал немедленно Константина.

Братья решили поехать вместе.

В честь послов город украсили разноцветными шелками. Ювелиры выставили на витринах лучшие свои украшения.

Послов провели по роскошным палатам царского дворца.

Они приблизились к трону, и механические львы, сделанные Львом Математиком, поднялись с грозным рычанием. А потом на золотом платане пели механические птицы, каждая свою песню.

Послы были потрясены красотой и богатством палат, напуганы механическими животными.

Затем, как положено, их повели на службу в великий храм премудрости Божьей, Софию, чтобы там окончательно повергнуть в благоговение перед Византией и Богом, которому молился византийский народ.

Послы дивились на росписи и мозаики, высоко задирали головы. Мир внутри храма казался необъятным, уходящим в небеса.

Службу вел сам патриарх Фотий в роскошном своем патриаршем облачении. Прекрасные голоса певчих сливались в единый хор, вторили словам патриарха, и могло показаться, что это сами ангелы на небе соединились для общего пения, так сладко и восторженно звучали Божественные гимны.

Послы удивлялись всему, громко цокали языками. Ни один народ так красиво не славил своего бога.

Константин тоже удивлялся. Слова молитв он знал наизусть, и ему показалось, что Фотий произносит их как-то нечетко.

Все стояли в отдалении от патриарха. Лишь несколько человек были приближены к нему, вместе с ними и Константин.

Незаметно он подошел к Фотию еще ближе. И тут ему открылось удивительное.

Вместо молитв главный священник мира Фотий быстро, скороговоркой произносил стихи, сочиненные древним Гомером.

Поэмы, созданные языческими элинами, Фотий знал. Выучить же молитвы он так и не удосужился...

Торжественная служба продолжалась, и хазарские послы по-прежнему восторженно цокали языками.

— На днях в Хазарию мы должны направить посольство, — на другой день сказал Фотий братьям. — Сами знаете, как важно нам поддерживать дружбу с хазарами. К тому же дошли до меня сведения, что начали там притеснять христиан. Все помнят, как удачно ты, Константин, провел посольство к сарацинам, помнят и твой диспут с муллами. Посольство должен возглавить человек образованный и осторожный, умеющий побеждать в диспуте и вести важные дела. Кроме тебя, Константин, другого такого человека я не знаю.

— Я тоже готов поехать с братом. — Мефодий поднялся со своего места.

— Знаю, что вы решили больше не расставаться. Но тебя я пошлю в другую землю — к болгарскому царю Борису. Сейчас мы снова заключили мир с Болгарией, Борис — хороший воин, он уважает людей крепких, суровых. Попробуй подружиться с ним и склонить его к нашей вере.

Константин слушал Фотия с удивлением. Прежде он знал человека, влюбленного в старинные книги, в солнечную культуру эллинов, готового рассуждать на любые запретные темы.

Теперь Фотий не рассуждал, он говорил коротко, строго.

На столе у Фотия лежала начатая рукопись. Судя по нескольким фразам, которые успел прочитать Константин, Фотий писал религиозный трактат — историю христианских ересей.

«Что ж, патриарху и положено писать религиозные книги, даже если он не учил слов молитвы», — подумал Константин.

Будь в соборе во время службы кто-то другой, а не Фотий, Константин возненавидел бы его за святотатство.

Фотию можно было простить все. Он был выше простого неверия.

— Вы подумайте о моей просьбе, — проговорил Фотий, — и завтра скажете о решении.

— Я уже подумал и готов ехать, — ответил Константин.

— Я тоже готов выполнить твою волю, — сказал Мефодий.

Из столицы поплыл Константин на царских кораблях через пролив Босфор вдоль берегов Черного моря, звали его тогда Хазарским. Потом

корабли пристали к древней крепости Херсонес. Был Херсонес когда-то землей эллинов, потом стал окраиной Римской империи, теперь принадлежал Византии.

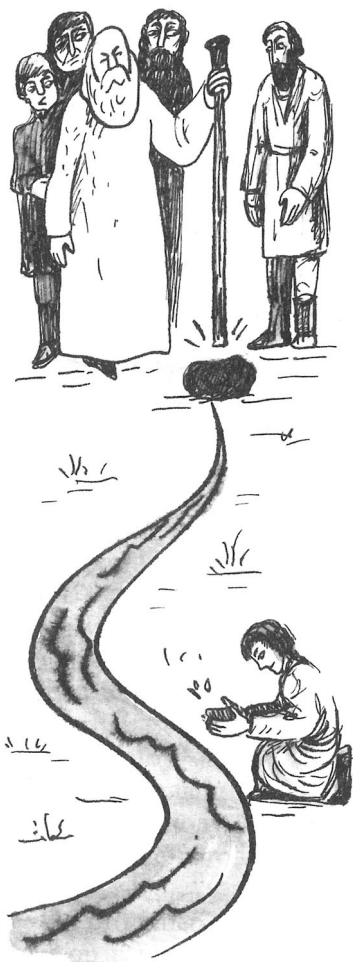
От Херсонеса к хазарскому кагану дорога шла по степям, где кочевали чуждые племена, бродили разбойничьи дружины.

Константин снаряжался в путь, и не покидала его тайная мысль. В тех окраинных землях на каменоломнях работал 760 лет назад сосланный из Рима языческим императором Траяном третий от легендарного апостола Петра римский папа Климент.

«Неужели навсегда утеряны его останки и нельзя их отыскать?» — думал Константин.

ИСТОРИЯ СТАРЦА КЛИМЕНТА

Отступление

Рим, столица церкви, почти не упоминается в главной книге христиан — в Новом Завете.

Римским проповедникам это казалось обидным.

За следующие века они сочинили так много легенд о первых римских священниках, что окончательно затемнили их исторические образы. Сегодня трудно сказать, была ли в основе хотя бы некоторых из легенд правда.

Древние сказания говорят, что любимый ученик Христа Петр пришел проповедовать свои взгляды в Рим. Там Петр вступил в состязание с местным волшебником Симоном магом. Симон сразу решил показать свою силу и при помощи дьявола приподнялся от земли, завис в воздухе. Петр в ужасе призвал на помощь имя своего Божественного учителя, и маг немедленно грохнулся на землю, сломав обе ноги.

Петр решил не оставаться в нечистом городе. Рано утром он подошел к воротам и там неожиданно встретил самого Христа.

— Господи, куда идешь ты? — воскликнул он в ужасе.

— В Рим, чтобы быть вторично распятым, — ответил учитель.

Апостол понял, что должен вернуться в город, и не покидал его больше до смерти.

В память об этой встрече римляне построили небольшую часовню и назвали ее «Господи, куда идешь ты?». А Петра они считают первым римским папой.

По тем же сказаниям, Петр был распят после великого пожара, который устроил император Нерон. При этом императоре в Риме произошли первые казни христиан.

Легенды рассказывают, что Климент родился в Риме и был сначала язычником.

«Прежде обращения ко Христу я молился дереву и камням», — говорил о себе Климент.

Он принял веру Петра, делил его страдания, труды и опасности, был любимым и самым близким к Петру человеком.

Климент стал третьим после Петра римским папой и управлял церковью от 92 до 101 года.

Возможно, что он и дальше управлял бы ею, он был крепок телом и духом, но император Римской империи Траян на третий год своего царствования решил, что настала пора вовсе покончить с христианами.

Государственной религией была тогда языческая, и от христиан пока ничего полезного не ждали.

Император сослал многих из них в окраинные земли империи.

Святой Климент попал в каменоломни Херсонеса Таврического.

Стал он обыкновенным каторжным, которого с утра гоняли на тяжелую работу римские легионеры.

Но и тут он старался утешить своих братьев по религии, а где возможно, обращать язычников в христианскую веру.

О жизни его в Херсонесе рассказывается много чудес.

И каторжные, и легионеры страдали на сухом берегу от жажды. Питьевой воды не хватало. Люди глотали иссохшими ртами раскаленный воздух, и хриплые стоны раздавались из их груди.

Однажды собрал Климент толпу язычников, громко, чтоб слышали все, помолился и ударил тяжелым посохом в камень.

Сейчас же камень отошел, а из-под него забил тонкий ручей чистой воды. Ручей быстро расширился и превратился в источник, способный напоить всех желающих.

Припали к воде язычники, испробовали ее и решили, что все они немедленно примут веру Климента, раз его Бог помогает ему даже воду из-под земли добывать.

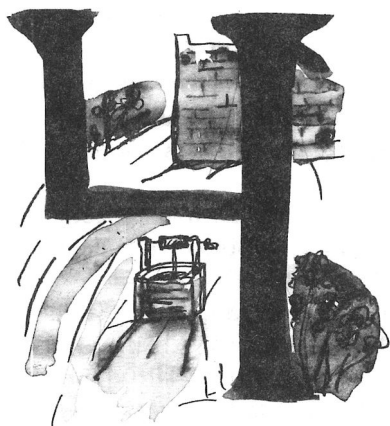
Есть такие люди в разных странах. Они могут с помощью тонкого прутика отыскать под землей руду или воду. Удивительные способности их изучает наука. Возможно, и Климент знал тайны этого ремесла.

Начальник легионеров написал в столицу доклад о том, что Климент своими делами обращает в христианство сотни местных жителей. Из Рима пришел ответ, как поступить с проповедником.

Перед казнью Климента долго мучили, а потом привязали к якорю и бросили в море, чтобы христиане не оказали почестей всплывшему его труп.

Были и другие легенды. Говорили, что тело Климента бросили на небольшой глубине, и христиане вытащили его. Они похоронили его вместе с якорем на пустынном острове около Херсонеса.

НАХОДКА

ерез сотни лет запустела земля херсонесская.

Когда-то были здесь огороды, луга, виноградники. Кочевые орды одна за другой проходили по культурным землям, вытоптали они луга, выжгли виноградники, заросли и окаменели с тех пор огороды.

Невежественные, полудикие люди окружали херсонесскую крепость. И жители Херсонеса иногда по нескольку лет боялись покидать каменные защитные стены.

Хорошо еще, что в древние времена вырыли жители глубокие колодцы далеко за стенами города, и шла оттуда по водопроводам вода.

Константин ходил мимо красивых старинных построек, галерей с колоннами, мимо статуй на перекрестках и обдумывал планы, что полагалось сделать прежде всего.

Прежде всего полагалось подготовиться к диспуту, который хотел устроить хазарский царь-каган. В первую очередь — углубить познания в языке, на котором говорили при его дворе.

Стратиг Херсонеса и городской епископ нашли человека, читавшего книги древних евреев и хорошо говорившего на их языке.

Но не хотел, не мог Константин жить в этом городе лишь для того, чтобы учить язык да готовиться к диспуту.

С того вечера, как они с Фотием говорили о просвещении болгар с реки Брегалницы, Константин передумал немало. Тогда в нем еще только прорастали тайные мысли, а теперь он уже твердо мог сказать самому себе — он, Константин, тот человек, который должен создать письменность для славянских народов. Для этого он и рожден на земле.

Раньше он лишь говорил на наречии славян, живших в Македонии, не думая о законах этого языка. Теперь он стал изучать правила, по которым славянский язык был построен.

Но Фотий не зря напоминал, что церковь так легко не разрешает переводить книги на варварские языки. Сам, по собственной воле Константин не мог взяться за создание славянской грамоты. Любой монах обвинил бы его за это в дьявольском наущении, будто создана такая грамота не для пользы человеческой, а из высокомерной гордости, чтобы отторгнуть славянские народы от вселенской церкви.

Человек, осмелившийся создать письменность, должен стоять высоко в глазах царя и церковной власти. И то лишь по указу императора да патриарха может он взяться за создание новой грамоты. По крайней мере, все должны быть уверены, что мысль такая сначала осенила голову императора. Константин хорошо это понимал.

Если бы сейчас здесь он нашел останки знаменитого старца, то такая ценная для церкви находка дала бы ему право на создание славянской письменности. А затем осталось бы только ждать удобного случая, чтобы незаметно подтолкнуть царя к повелению...

Местные люди о Клименте вовсе ничего не слышали.

Многие из них родились на других землях, и лишь случайный ветер занес их в этот греческий город.

За семь веков сменилось здесь множество народов.

Оставалось исследовать древние сказания.

А тут еще Константин встретил в соседнем доме удивительного человека. Человек лишь недавно поселился в городе, говорил на языке чуждом, объяснялся с соседями знаками, потому что язык его никто не мог понять.

В этом удивительного ничего не было — мало ли племен ходило по земле. Удивило Константина то, что была у человека собственная Библия, написанная непонятными знаками.

Константин знал Библию наизусть. Он решил понять язык того человека.

По вечерам при светильнике Константин и приезжий сидели рядом

за книгой. Константин выписывал непонятные письма, приезжий произносил их вслух. Рядом Константин писал соответствующее греческое слово.

Так он составил словарь языка этого человека и через несколько недель, к удивлению горожан, мог уже разговаривать с ним. Наконец-то в Херсонесе узнали, откуда он взялся, этот приезжий.

Человек рассказал Константину, что шел он с дружиной славных воинов Аскольда и Дира, которые правили на Днепре в городе Киеве. По дороге он заболел, остался на берегу реки, а теперь перебрался в город.

А Константин был поражен: еще кто-то до него уже пробовал перевести священные книги на язык своего народа.

В солнце и в непогоду Константин обследовал побережье вокруг Херсонеса. На легком судне причаливал он к островкам. Пытался в расположении белесых и бурых камней найти хоть какой-то порядок — следы развалин. По давнему обычаю, над могилами знаменитых людей ставили церкви.

Цицерону, разыскивавшему в окрестностях Сиракуз могилу Архимеда, было легче, хотя местные жители также уверяли его, что от могилы не осталось и следа, — Цицерон знал стихи о шаре и цилиндре на надгробии великого математика. Константин недавно перевел Цицероновы «Тускуланские беседы» для Фотия и теперь часто вспоминал рассказ о том, как найдена была могила Архимеда.

«Была бы какая-нибудь надпись, — думал он, — вроде той, что на могиле Кира: «О человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни явился, — ибо я знаю, что ты придешь, — я Кир, создавший персидскую державу. Не лишай же меня горстки той земли, которая покрывает мое тело».

Наконец на небольшом островке, недалеко от берега Константин нашел следы каменной постройки. Скорей всего, здесь была небольшая древняя церковь.

Константин часто рассказывал горожанам о знаменитом старце, о его муках и казни.

И постепенно набралось человек сто, готовых бесплатно перекопать весь остров, лишь бы найти останки Климента.

Утром Константин погрузил добровольцев на корабль, и корабль отчалил от херсонесской пристани.

Херсонесский митрополит Георгий остался на берегу. Он сомневался, существует ли это захоронение.

Спорить с Константином он не решался, только сказал:

— Если вас постигнет неудача, вы спокойно уйдете, и об этом забудут. Если же вернусь я, не найдя ничего, каждый станет смеяться надо мной, а вместе со мной и над нашей церковью.

Константин несколько раз приплывал на этот остров. Он заранее составил план, кому и где копать.

Был конец декабря. Холодный ветер гнал плотные низкие тучи. Крутые серые волны раскачивали корабль.

«Надо было дожидаться хорошей погоды, — думал Константин. — В хорошую погоду и настроение у людей радостное».

Действительно, искатели на корабле все больше мрачнели. Некоторые предлагали вернуться назад.

Улыбался лишь один капитан судна. По византийским законам капитана могли судить, если во время шторма у него был угрюмый вид, вселяющий в пассажиров панику.

Близкий остров казался неуютным, пустынным.

«Только бы не было дождя, думал Константин. — Второй раз людей уже не уговоришь».

Ему повезло. Он указал капитану место, куда лучше пристать. И когда люди сошли на берег, ветер разогнал тучи, выглянуло солнце.

Константин расставил людей по краям вдоль бывших стен храма. Человек двадцать копали внутри.

Уже через несколько минут кто-то закричал:

— Нашел! Вот они, святые мощи!

Все сбегались, толкаясь, стали рассматривать почерневшие кости, на которые показывал счастливчик.

— Да это же баран! Бараньи косточки, — засмеялся один из искателей.

Вероятно, лет двести назад неизвестные люди съели у этих развалин барана.

Кости отбросили и стали копать дальше.

Еще не раз искатели радовались, сбегаясь на крик, а потом, разочарованные, расходились по своим местам.

Люди выбрасывали наверх черепки битой посуды, щепки, изъеденные зеленью бронзовые наконечники стрел.

«Еще немного, и поиски придется прекратить», — с грустью думал Константин.

Один из искателей недалеко от Константина неожиданно наткнулся на доску. Он копал как раз в самом центре бывшего храма.

— Трухлявая! — сказал он о доске. — А когда-то крепкая, видать, была, хоть корабль из нее строй.

Он замахнулся было, чтобы с силой ударить по доске, а потом выбросить щепки наверх.

— Осторожно! — вскрикнул Константин.

Вдвоем они освободили доску от земли и камней, рядом с ней была и вторая.

Это был длинный ящик.

Искатель хотел позвать соседей. Константин остановил его. Он боялся спугнуть удачу.

Медленно они приподняли крышку ящика. Там, внутри, рядом с позеленевшим от времени якорем лежали останки человека.

Сомнений не было.

— Нашли! — не удержавшись, закричал искатель. — Нашли мы его! Все в который уже раз сбежались. Удивленно смотрели вниз на кости, на якорь.

— Я и надежду потерял, думаю, зря копаем! — продолжал радоваться искатель. — Как захоронили с якорем, так и лежит!

Константину помогли поднять наверх останки и якорь.

Несколько человек плыли уже на своих лодочках в Херсонес обрадовать горожан.

У берега корабль встречал сам стратиг Никифор. Позади него стояла огромная толпа горожан.

Константин торжественно вынес останки с корабля на землю. Люди окружили его, двинулись к ближнему храму.

На другой день останки были перенесены в город, откуда 750 лет назад вывели измученного пытками старца римские legionеры, чтобы бросить его в море.

Путь к хазарскому кагану был долог и труден.

Константин ехал не один и не сам по себе. Он был послом византийского императора. Поэтому он вез кагану богатые подарки. А чтобы подарки не отняли бродячие шайки, сопровождало Константина хорошо вооруженное войско.

Каган принял Константина милостиво. Драгоценные подарки из Византии ему понравились. Войско он поселил в специальных домах, приказал хорошо кормить воинов, а заодно и присматривать за ними.

Диспут начался во время пира.

Каган поднял кубок и провозгласил тост во имя Бога, создавшего всю тварь.

Константин тоже поднял кубок и в ответ сказал о том, как в Византии понимают своего Бога.

Диспут продолжался три дня.

Даже арабские историки писали потом о диспуте.

Каган прислушивался к спорам, поворачиваясь в сторону говорившего, и щелкал пальцами от удовольствия.

На третий день всем стало ясно, что победил Константин.

Но каган был хитер.

С одной стороны с ним соседствовали мусульмане, с другой — христианская Византия. На северных границах стали беспокоить дружины славян и варягов, с запада подступали венгры.

— Я остался доволен твоей верой, — сказал каган Константину после окончания диспута. — Я повелю так: пускай те, кто исповедует вашу веру, продолжают исповедовать ее. Притеснения им от меня не будет... И твоей верой я тоже остался доволен. — Каган повернулся к мусульманскому проповеднику. — Пусть твои люди исповедуют ее

далее, им тоже не будет притеснения. Пусть каждый верит в своего бога и не мешает молиться соседу, — закончил каган речь. Потом он снова повернулся к Константину.

— За мудрость твоих речей, за огненность твоих слов я хочу наградить тебя особо. У меня уже приготовлены подарки для императора Михаила, а сейчас внесут подарки тебе.

Он хлопнул в ладоши, и слуги, низко кланяясь, внесли золотой поднос с драгоценностями.

Константин вежливо поклонился, но не прикоснулся к подносу.

— Я знаю, что в твоей столице содержатся невольниками двести моих сограждан. Разные народы взяли их в плен в войнах и продали твоим людям в рабство. Прикажи освободить их — и это будет самая большая награда.

Каган махнул слугам рукой, они унесли поднос назад.

К вечеру все рабы-византийцы были уже свободны. Их поселили вместе с воинами Константина.

Дорога домой снова шла через степи к Херсонесу, где ждали корабли императора. Часть мощей Климента Константин взял из Херсонеса с собой.

Пир у царя

толица была все та же — прекрасная, шумная и пьяная. Может быть, еще шумней и пьяней она стала за те полтора года, которые Константин ходил по чужим землям.

Столица праздновала новое возвышение Варды. Теперь он был уже кесарем-соправителем.

Михаил и Варда торжественно приняли Константина. Варда предлагал всевозможные почетные должности, но Константин отказался. Фотий все понимал и не уговаривал. Мефодий к тому времени уже вернулся из Болгарии от князя Бориса, где «пленил Борис отечественным своим языком, во всем прекрасным», как записали современники.

Его тоже уговаривали остаться в столице. Фотий предлагал сан архиепископа. Но и Мефодий по-прежнему хотел жить в уединении.

Тогда Фотий сделал его настоятелем маленького монастыря на берегу моря, под горой Олимп.

В честь удачного посольства Михаил устроил пиршество. От этого пира Константин отказаться не мог.

После торжественного приема дворцовый служитель провозгласил имена приглашенных. Первым в списке был Константин.

По большим праздникам раз пять в году цари давали обеды в палате Девятнадцати лож. Царь обедал за особым столом на возвышении, отдельно ото всех, а за девятнадцатью столами возлежали человек двести из видных чиновников и знати.

В обычные дни цари с немногими приближенными обедали в задней части золотой палаты, в небольшом помещении под сводом.

В этот день Михаил приказал накрыть столы в середине золотой палаты под куполом.

С высоты через шестнадцать полукруглых окон, пробитых в куполе, падал яркий свет.

Столбы были серебряные. Из разноцветных камней выложили художники на них всевозможные рисунки. В драгоценной посуде, золотой и серебряной, были закуски, фрукты.

Справа от Михаила расположился кесарь Варда. Между кесарем и епархом было место Константина. Сразу вслед за епархом Константин, к своему удивлению, увидел македонца Василия. Вдалеке, за особым столом, накрытым беднее, теснились мимы и музыканты. Им полагалось развлекать пирующих.

Константин взглянул на огромную чашу с вином и испугался — столько вина ему еще выпивать не приходилось.

Перед другими гостями стояли чаши не меньше.

— Что так на меня смотришь, Константин Философ, или не узнаешь? — спросил его Василий. — Не одному тебе от царя честь, и мне тоже — я со вчерашнего дня стал управителем всех дворцовых конюшен, и о личной страже царя тоже забочусь я.

Он увидел, что Михаил поднимает чашу, и заторопился поднять свою.

Первая чаша была выпита за Константина, за то, что по воле Бога он так хорошо провел посольство.

Следующую чашу пили за самого василевса.

Перед гостями играли музыканты, мимы представляли потешные сцены.

Михаил принялся хвастливо рассказывать епарху, как на охоте он подстрелил оленя. Василий Македонец ловил каждое слово царя и поддакивал.

— Рога у оленя вот такие, — показывал он, — никогда не видел более могучего зверя!

— Это разве большой, — говорил Михаил, — вот я в прошлом году подстрелил!

И не было им дела до удачного в дальние земли посольства, до двухсот спасенных из рабства греков.

Константин чувствовал себя чуждым на этом пиру, но надо было попросить помощи для тех спасенных, а удобнее часа он не предполагал.

— А скажи нам, Философ, у хазарского кагана пиры богаче были? — спросил Михаил.

— Куда ему до вашей царственности! — и тут успел выкрикнуть Василий. — У них небось одна чаша на всех, и та глиняная!

— И не одарил он тебя ничем или ты подарки припрятал?

— Я уже докладывал вашей царственности, — ответил Константин, — вместо награды я попросил освободить наших граждан. Они прибыли в столицу и нуждаются в помощи.

— В какой помощи? — встрепнулся кесарь Варда.

— По дороге я их обеспечивал всем необходимым, но сейчас они остались без покровительства.

— Правильно Константин Философ говорит, — отозвался Михаил, — я буду им покровителем. А ты не скупись, — он повернулся к дяде, — выдай завтра каждому по сто номисм.

Такой щедрости Константин не ожидал. Если бы царь дал номисм по пять, и этого бы хватило для начального обзаведения.

— Может, сразу по двести, чтоб в казне одни дохлые мухи остались? — переспросил Варда.

Казалось, он пил вино одинаково со всеми, но по-прежнему оставался трезвым.

— А ты опять выплескивал вино?

— Должен же быть за столом один трезвый, — попробовал отшутиться Варда.

— Прежде, пока ты не был кесарем, так не говорил.

В словах царя даже Константин расслышал угрозу. Михаил сдвинул к Варде несколько чаш с вином.

— Пей на моих глазах, а потом управляй.

Здесь, при посторонних, Варда не посмел сопротивляться, он лишь вздохнул обреченно и поморщился. Михаил пьяным пристальным взглядом следил, как освобождается посуда, как вино стекает уже мимо рта Варды.

— Так всегда будет, — сказал он, придвинув последнюю чашу.

Кесарь посидел несколько минут молча, потом ему стало дурно, и служители увели его из палаты.

А царь пересел еще ближе к Василию.

Под конец пира Константин услышал, как Василий тихо втолковывает царю:

— Говорю, он всю власть из рук вашей царственности мечтает вырвать. Раньше-то с утра до вечера пьяней меня ходил, а теперь все трезвый и распоряжения отдает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Б а
в с з ч
и п
р о к д
е л
т м

СТАВЯНСКИЕ ПИСЬМЕНА

СОЗДАНИЕ АЗБУКИ

отий попросил Константина написать книгу о путешествии к хазарам. Одновременно Константин писал несколько небольших книг по грамматике различных языков. Он сопоставлял их, выводил общие законы и правила.

В столице Византии — городе самых образованных людей в европейском мире — о Константине уже говорили как об ученом, самом образованном в языках и письменности различных народов.

Однажды поздно вечером они с Фотием прогуливались по саду.

В городе уже было пустынно. С моря дул прохладный ветер. Фонарщики давно зажгли огни на главной улице, и тени от прохожих то удлинялись, то, переплетаясь, расходились.

— Я часто думаю о тебе, — говорил Фотий. — Я понимаю, государственная служба в нынешний век тебе неприятна. Но ведь есть и другие дела. Будет преступно, если человек с твоими способностями исчезнет во времени, не оставив следа... — Он помолчал,

может быть, подумал, что Константин ответит, потом заговорил снова: — Двадцать лет назад ты впервые пришел ко мне. Ты был наивным провинциалом, но скоро стал первым в кругу сверстников. Я часто удивлялся твоим поступкам. Любое дело, за которое ты берешься, тебе удастся. Другие рады бы исполнить те же дела ради богатства и почестей, но у них ничего не выходит. Ты же справляешься с любой трудностью и не ждешь наград. И все-таки я жду от тебя более высоких дел, чем находка останков Климента и удачные посольства.

— Ты прав... Я уже давно думаю о деле, которое было бы полезно народам... — Но тут Константин, как уже было однажды, сам себя оборвал: — Расскажу тебе об этом после.

Дома он зажег светильник и принялся за описание законов построения славянского языка.

Он, нашедший останки Климента, в глазах церкви поставил себя очень высоко. Оставалось ждать удобного случая...

В столицу прибыли послы из Моравского княжества. Рассказали они, что послал их князь Ростислав из города Велеграда, что шли они через земли валахов и царство Болгарское и было у них от князя важное поручение.

Князь Ростислав просил прислать ученых мужей.

— Наш народ, — объясняли послы, — уже принял христианскую веру от западных латинских священников. Но не понимает народ ни языка их, ни языка учителей из немцев, которые пришли вместе с ними. А потому просим прислать нам такого учителя, который наставил бы нас на истинный разум и правду.

Константин слушал послов и удивлялся. Прибыли они издалека, а можно было подумать, что родились в Солуни. Настолько речь их была близка к языку солунских славян.

На другой день во дворце собрался совет.

Их было шестеро: сам василевс — двадцатичетырехлетний Михаил, кесарь Варда, Фотий, новый логофет, заменивший Феоктиста, Константин и Василий Македонец. С Василием царь был теперь неразлучен.

— Послать наших людей в землю князя Ростислава надо обязательно, — сказал кесарь и вопросительно посмотрел на Михаила.

Михаил попробовал заспорить:

— А нужны ли нам эти моравы? Какая от них польза?

— Польза большая, — принялся спокойно, словно малому ребенку, объяснять Фотий. — Польза в том, государь, что на многих землях, принадлежащих твоей стране, сейчас обосновались арабы. Враги окружают государство со всех сторон, а друзей становится меньше. И когда целый народ предлагает нам дружбу, отдает себя добровольно под влияние нашей церкви, от этого нельзя отворачиваться.

— Ну что ж, давай пошлем. Назови мне имена этих людей.

Фотий взглянул на Константина.

— Я думаю, такой человек находится среди нас, — произнес Фотий. Теперь уже все повернулись к Константину.

— Ты не так здоров, чтобы ходить на мои пиры, но, кроме тебя да твоего брата, в самом деле послать некого — кто еще так хорошо знает язык славян! — сказал сам василевс Михаил.

Это был редкий случай, когда Михаил не приказывал, а просил.

Константин понял, что пора заговорить и ему.

— В моравскую землю я пойду с радостью. Но прав василевс — будет ли от этого польза?

Теперь даже сам Михаил удивился.

— Польза будет только в том случае, — стал объяснять Константин, — если у них есть грамота. Есть ли у них грамота? — Он посмотрел в глаза царю.

— Грамоты у них нет, государь, — уверенно сказал Фотий. — Народ их неучен и дик. Потому послы и пришли к нам за помощью.

— А ты их своими речами просвещай, — начал было Михаил.

— Просвещение народа без книг на его родном языке равносильно усилиям писать на воде, — тихо, но твердо ответил Константин.

Фотий догадался, чего добивался сейчас Константин, и подхватил:

— Книги, писанные на языке славян, необходимы, государь.

Лицо Михаила покраснело от обиды и злости. Он посмотрел на Варду.

— Зачем надо было собирать совет! Приказали бы, да и все — пусть бы попробовали послушаться, — капризным детским голосом проговорил Михаил.

Варда с притворным смирением нагнул голову.

— Прикажи, государь.

— Вот я и приказываю, — Михаил говорил по-прежнему обиженным голосом, — раз нет у славян грамоты, значит, надо ее составить. И книги, которые нужны, перевести с нашего языка на славянский.

Константин смиренно, как только что Варда, склонил голову. Он старался не показывать радости.

— Не сразу я догадался о твоём замысле, — говорил Фотий Константину, когда они возвращались из дворца. — Признайся, именно об этом большом деле ты и хотел сказать мне недавно?

Константин согласно кивнул.

— Что ж, можно сказать, первое сражение ты выиграл. Василевс лично приказал тебе составить для славян грамоту, и теперь никто не скажет, что мысль эта исходила от самого тебя, не обвинит в сатанинском замысле. До каких только хитростей нам не приходится опускаться, разговаривая с царями. — Фотий горько улыбнулся. — А я сейчас пишу книгу, где утверждаю, что воля императора всегда

должна быть ограничена советом из людей разумных и опытных в управлении страной.

* * *

Сначала Константин изобразил звуки, общие у славян и греков. Для них новые знаки было придумывать ни к чему. Он и записал их греческими буквами. Славяне видели их раньше, привыкли к ним.

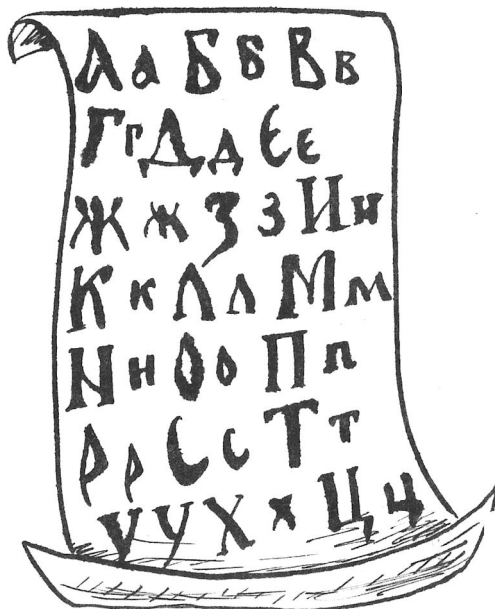
Каждый неизвестный греческому языку звук он пробовал записывать по-разному. Старался изображать их так, чтобы по своему стилю они не отличались от уже готовых букв. Если знаки казались ему неуклюжими, он их заменял. Другие буквы оказывалось трудно вырисовывать, нужно было придумывать новые.

Каждая буква должна быть простой и четкой — легкой для письма. Ведь книг славянам потребуется множество, и, чем проще будут письменные знаки, тем скорее можно переписать книгу. А писать станут люди неумелые, с непривычными к письму руками.

Буквы должны быть и красивыми, чтобы человек, едва увидевший их, сразу захотел овладеть письмом.

Наконец все сорок три буквы новой азбуки были составлены. Ими можно было записать такие славянские слова, как «живой», «бор», «юность», «широта». По-гречески же их написать было невозможно, потому что не было у греков особых букв для звуков «б» «ж», «ю», «ш». Так же, как и для звуков «з», «ц», «ч», «щ», «у», «я».

Все эти звуки в новом алфавите изображались своими буквами.

* * *

И сейчас азбука, составленная Константином Философом, остается самой простой и удобной.

Европейские народы, которые не составили для себя алфавита, а взяли латинский, до сих пор страдают от неудобств.

Звук «ч» по-немецки изображается четырьмя буквами: tsch, по-английски и по-французски тремя: tsh. Для изображения звука «щ» англичане пользуются тремя буквами: sch, французы — четырьмя: stch, а немцам приходится писать семь букв: schtsch. Нет в этих языках и специальных букв для изображения звуков «я», «ю».

Трудно составить впервые новую азбуку языка. Но для перевода книги на этот язык одной азбуки мало.

У каждого языка есть свои законы построения. Эти законы изучает грамматика. Спряжения, склонения, род, приставки и суффиксы, наречия и предлоги — чтобы все это выявить в новом языке, образованном людям приходится тратить немало лет.

Лишь зная законы языка, можно переводить книгу, иначе книжная речь будет неграмотной, любая фраза может принять противоположный смысл.

Выходил ли Константин в эти дни из дому, разговаривал ли с Фотием, он думал только о языке славян, об устройении его и правилах.

Наконец он попробовал перевести письменно первую страницу из Библии и показал Фотию.

— Если бы в детстве мне предложили две жизни — твою и мою, сказав: «Выбирай!», я бы, пожалуй, выбрал твою, — проговорил Фотий. Это была высшая оценка.

— Я еду к Мефодию. Вместе мы переведем книги, самые необходимые для просвещения славян.

— Твой брат станет и первым твоим учеником, — улыбнулся Фотий.

Снова братья были вместе.

Мефодий за один день запомнил знаки славянской азбуки.

Константин рисовал ему буквы на земле тонкой палочкой, Мефодий вычерчивал их рядом, потом стирал и писал по памяти.

Затем Константин объяснил брату законы языка.

— Всю жизнь разговаривал на этом языке и не знал, что говорю по правилам! — удивлялся Мефодий.

На пятый день Константин отлучился ненадолго, а когда пришел, увидел перед домом на земле послание от Мефодия.

«Брат мой, пора приниматься за дело!» — писал Мефодий.

Послание было начерчено славянскими буквами по всем правилам.

С утра они сели переводить первые страницы. Сначала у Мефодия

дело шло с трудом. Прежде он был воином, но не каллиграфом. Да и последние годы не увлекался работой писца.

Он старался вырисовывать буквы четкие и красивые. И писать надо было без ошибок.

Наконец Мефодий кончил страницу. При этом он устал так, словно в бою саблей рубил врага с утра до вечера.

Стал перечитывать — одно слово написано неверно, в другом буква пропущена, и глупый от этого получается смысл. Пришлось начать заново.

На следующее утро работа пошла легче.

— Сколько же нам надо книг перевести? — спросил Мефодий.

— Перевести три, а написать шесть. Три подарим царю, а те, что перепишем с них, оставим себе.

Переводили они пока самое главное, то, что нужно для церковных служб и начального просвещения.

Так братья работали с раннего утра, едва светало, и кончали поздно, когда уже рябило в глазах от усталости.

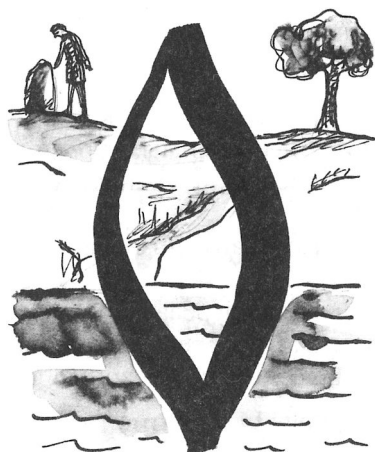
Через три недели была готова первая книга.

Константин написал об этом Фотию.

Фотий сразу прислал ответ. Он просил не задерживаться, немедленно ехать в столицу, едва посчитают работу оконченной.

Через два месяца братья были в столице.

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ

ни уезжали надолго, может быть, навсегда.

Путь им предстоял долгий и опасный.

Сначала навестили они город детства — Солунь.

Мать, маленькая, ссохшаяся от старости, привела их к могиле отца на высокий берег над морем. Там она взяла с обоих клятву: если в чужой земле одного постигнет смерть, другой ответит его тело на родину.

— А я буду рядом с вашим отцом, — добавила она скорбно.

Братья вернулись в столицу и занялись сборами...

В консистории, в небольшом зале, где несколько месяцев назад совещались они о том, как быть с моравскими послами, снова собрались царь, кесарь Варда, Фотий, Василий и Константин. Теперь был здесь и Мефодий.

Константин бережно положил книги перед Михаилом.

Михаил раскрыл первую книгу и, увидев знакомые греческие буквы, удивился:

— Да тут все понятно!

Он попробовал прочитать вслух, но споткнулся на новых буквах.

— А ну, почитай сам, послушаю, как звучит.

Константин стал читать.

— В самом деле, какой-то дикий язык! Ничего не понимаю! — скоро перебил его Михаил.

— А я все понял! — послышался голос Василия. — Каждое слово!

Он так радостно удивился, что даже Михаил не рассердился, хотя Василий заговорил без разрешения.

— Денег им дай сколько попросят, — повернулся царь к Варде.

Через два дня прощались братья с городом. Фотий отслужил за них молебен в Софии, в главном храме. Провожал он братьев до Золотых ворот.

— Отпускаю вас года на три-четыре. Вы нужны здесь как продолжатели моих дел, — наставлял Фотий. — Обучите необходимых людей и возвращайтесь. Как сказал Вергилий, «будьте тверды и храните себя для грядущих успехов».

Фотий не знал в тот миг, что прощается с Константином навсегда.

По рекам Дунаю и Мораве от селения к селению передавали славяне радостные вести: едут к ним два мудрых мужа, изобрели те ученые люди понятные народу письма и везут с собою книги, писанные теми письменами.

Всюду братьев встречали местные жители, с удивлением рассматривали пока еще непривычную грамоту, уговаривали остановиться, пожить, чтобы научили их читать по-славянски.

В столице Великой Моравии уже за неделю знали, что приближаются к городу Константин Философ и брат его Мефодий.

Князь Ростислав вместе с народом вышел навстречу и сам ввел дорогих гостей в городские ворота.

Князь Ростислав умел читать по-латыни, но смысла фраз не понимал, потому что знал язык плохо, лишь произносил слова, не вникая в них.

Отставил князь государственные дела и громко, так, что слышно было во всем замке, читал по складам славянскую книгу. Каждое слово было ему понятно в этой книге.

Константин сидел рядом, поправлял князя.

Грамота Ростиславу понравилась.

Всю жизнь отважно и мудро защищал Ростислав свой народ, родные земли от жадного франкского короля Людовика Немецкого.

«Осенью 855 года повел король Людовик войско против Ростислава, герцога моравов, которые восстали против немецкого господства. Король сражался с малым счастьем и возвратился назад без победы» — так записано было в летописи.

Заодно с немецким королем был и архиепископ зальцбургский. Он считал земли моравов собственным владением, посылал туда своих священников. Десятую часть урожая крестьяне должны были отдавать церковникам.

Немецкие священнослужители наскоро, по-латыни бубнили молитвы, зато обстоятельно, зорко оглядывали поля, пересчитывали стада, чтобы не обманули их славяне, чтобы положенная часть добычи перешла к ним в доход.

Князь мечтал о самостоятельной славянской церкви. «Народ, послушный воле чужеземных священников, не может стать независимым», — думал князь Ростислав.

Братья усердно обучали своих учеников грамоте и церковной службе на языке славян. Ученики были старательными. Скоро среди них выделились самые верные, самые способные. Звали их Горазд, Климент, Лаврентий, Ангеларий, Славомир, Наум.

На первую службу князь привел всю свою семью.

Лишь его племянник, Святополк, не пошел слушать славянское служение: он был в дружбе с немецкими священниками.

Службу вел сам Константин. Мефодий и ученики помогали ему.

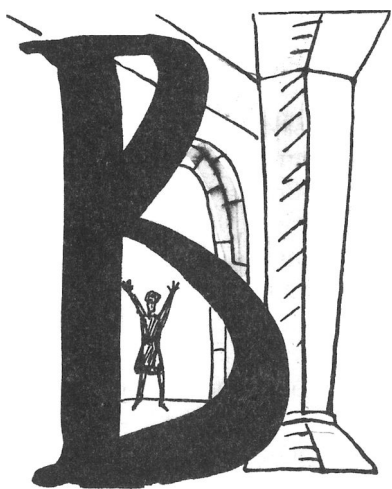
«То было чудное мгновение!.. Глухие стали слышать, а немые говорить, ибо до того времени славяне были как бы глухи и немые» — так написали летописцы о той первой славянской службе.

Константин и Мефодий ездили по стране, основывали новые церкви, обучали новых людей.

Вскоре опустели церкви, где вели службу немецкие проповедники на так и не понятой, чужой латыни. Перестал народ слушать посланников архиепископа зальцбургского, друга немецкого короля.

Не повезли им моравы свой урожай.

НАПАДЕНИЕ

тот вечер Константин был дома один. Он сидел при свече, переводил с греческого на славянский новую книгу. Брат уехал в дальние села. Ученики только что разошлись.

По крыше гулко стучал дождь, ветер сотрясал соседние деревья, рвал с них последние листья.

Неожиданно в дверь громко постучали.

Константин привстал, но дверь уже распахнулась, и вошел человек в мокрой одежде.

Это был немецкий священник, один из посланников зальцбургского архиепископа. Священник с первых дней в Велеграде едва замечал Константина. Проходил мимо, не здороваясь, а когда однажды Мефодий попросил у него взаймы церковную утварь, он грубо отказал.

Теперь этот священник отряхивал грязь и воду у двери, ждал, когда Константин пригласит его пройти к свету и сесть.

Константин пригласил.

— Когда бы я ни шел мимо, все у вас свеча горит, — заговорил священник неожиданно дружелюбно. Он с любопытством посмотрел на рукопись, лежавшую на столе.

— Перевожу новую книгу, — сказал Константин. — Удивляюсь, страна уже сто лет как считается христианской, а многие люди не видели в своей жизни ни одной книги.

— Не Божеское это дело, нет, не Божеское! — Священник разглядывал знаки славянского письма. — Народ здесь дикий и темный. Грубый его язык не годится для прославления Господа.

— Вот мы и просвещаем его, — ответил Константин.

— Нельзя на варварском языке славить Бога. Его можно лишь оскорбить такой молитвой. Пусть славяне чаще ходят в церковь и проникаются звуками латинских молитв.

— Но если славянин забудет родной свой язык, он и славянином перестанет быть!

— Зато на него падет благодать Божья!

— Каждый народ должен знать свой язык и свою историю! — сказал Константин твердо. — А возносить молитвы можно на любом языке, лишь бы они были искренни!

Священник понял, что убедить Константина ему не удастся, и решил не продолжать спор. Он мельком взглянул на темное окно и произнес с сочувствием в голосе:

— Холодно тут, сыро. На вашем море такой погоды вы и не видели.

— Что поделаешь, — сдержанно улыбнулся Константин, — мы знали, куда ехали, были готовы и мерзнуть.

— Такой образованный человек в волчьей глуши пропадает! — с прежним сочувствием продолжал священник. — Тут за водой к колодцу не выйдешь, ноги увязнут, а в Константинополе, говорят, вода сама в дом течет. Что, верно это?

— У нас во многих городах есть водопроводы.

— Культурная страна! Говорят, в храмах ваших одного золота больше, чем во всем мире.

— Храмы у нас красивые.

— И книг столько, что не сосчитать! Сколько вы с собой-то привезли? Ведь много не увезешь?

— И это верно.

— И что вам тут одному волком выть?

— Я здесь не один. У нас с братом учеников уже немало, и дикими да темными их никто теперь не назовет.

— С братом? — Священник посмотрел на Константина странно и чуть заметно усмехнулся. Потом поднялся и стал прощаться.

— Я ведь просто шел мимо, смотрю, у вас свеча горит. Думаю, надо зайти, хоть поговорить когда-нибудь...

Священник ушел, а Константина не покидала тревога за Мефодия. Уж слишком странным был взгляд, когда заговорили о брате. Констан-

тин вышел из дому, на ветер и дождь, долго стоял, вглядываясь в темноту.

* * *

Тропа шла вдоль реки, через низкие луга.

Лошадь шагала небыстро, да ее и подгонять не стоило, потому что кругом было темно, и двигалась она, скорей всего, наугад.

Мефодий собирался выехать из села раньше, но его задержали моравы.

Мефодий уже не удивлялся бедности их жизни. Люди жили в убогих хижинах. На утоптанном земляном полу лежала солома, по ней ползали дети. Крыши тоже были соломенные. В углу стояла печь-каменка. Когда ее топили, дым выходил в жилище. Под одной крышей с людьми часто жила и скотина.

Земля давала скудные урожаи, их едва хватало до лета.

Так жили всюду в окрестных землях, и жизнь эту считали нормальной.

Несмотря на бедность свою, люди интересовались всем, что можно выведать у Мефодия. По нескольку часов подряд стоя слушали они его чтение. А потом расспрашивали о жизни в далекой Византии, советовались, как им лучше устроить жизнь здесь.

От глухих времен остались у них дикие суеверия, наивные страхи.

Они уверяли, что если убьешь змею, то за это разрешается убить двух своих врагов. Многие были убеждены, что под землей живут великаны с огромными головами, что дьявол прячется именно в их лесу, в соседнем болоте. Ночью он вылезает из болота и пожирает проезжающих мимо.

Мефодий убеждал, что великанов под землей нет, так же как и дьявола в соседнем лесу.

Потом все просили еще раз почитать что-нибудь из книги.

— В Велеграде у нас учится много моравов. Скоро они поедут в села и станут учить вас, — обещал Мефодий.

...Теперь, в этот поздний час, он возвращался домой и жалел, что отказался от провожатого, которого хотели дать жители. Впереди был небольшой лес, потом луг, потом снова лес, а дальше начиналось чистое поле и за ним городские стены.

Когда первый лес кончился и начался луг, Мефодий неожиданно оглянулся. Возможно, он почувствовал какой-то шум, может быть, сзади хрустнула ветка или лошадь оступилась. У него был острый слух опытного воина. Он еще даже не подумал об этом шуме, а уже оглянулся: из леса следом за ним выезжали двое всадников.

Мефодий не заподозрил ничего плохого — мало ли кто может ехать в эту непогоду в город. Он приостановил коня, чтобы дожидаться и ехать вместе.

Но странно — стоило ему остановиться, как те всадники остановились тоже.

Мефодий подождал немного, послал лошадь вперед, двое тоже тронулись следом за ним.

Это было уже подозрительным.

С Мефодием был лишь старинный кинжал, отбитый у врага, только об оружии рано было думать. У тех людей мог быть просто какой-нибудь свой разговор, и они не хотели, чтобы с ними рядом ехал неизвестный третий.

Но когда навстречу Мефодию показались еще всадники, рука сама потянулась под одежду к кинжалу.

«Важно не дать им соединиться», — подумал Мефодий и погнал коня вперед.

— Стой! — закричали сзади.

Мефодий продолжал уходить от них.

Это могли быть разбойники. Встреча с ними была опасна. Вещи они забирали себе, пойманных людей продавали в рабство.

Двое впереди преградили дорогу. Задние торопили коней, но были еще далеко.

Не зря столько лет Мефодий проводил когда-то в конных упражнениях.

У одного из всадников он разглядел меч. Своего коня он направил прямо на этого человека, а сам увернулся от удара. Лошади их столкнулись, упали.

Теперь человек с мечом выкарабкивался из-под лошадиных тел.

Это был испытанный прием борьбы одного воина против двоих. Им владели немногие.

Мефодий спрыгнул со своего коня еще до падения. Он рванул на себя второго всадника, тот свалился на землю и вскрикнул неожиданно знакомым голосом:

— Пощади!

Мефодий вскочил на его коня и, не задерживаясь, поскакал к городу.

Его пытались догнать, потом отстали.

«Неужели то был Вихинг?» — думал Мефодий.

Голос нападавшего был похож на голос молодого священника Вихинга, недавно присланного зальцбургским архиепископом.

Но зачем священнику нападать на проезжего темной ночью?

К дому Мефодий подъезжал уже шагом. У дверей мелькнула чья-то тень, и Мефодий снова схватился за кинжал, но тут же отдернул руку.

— Наконец-то! А я уж тревожился, — проговорил Константин.

Мефодий решил не огорчать брата рассказом о приключении.

— Темно было, дорога плохая, пришлось медленно ехать.

— А конь у тебя чей? — удивился брат.

— Дали в селении. Мой сбил ногу, захромал.

Константин тоже решил не рассказывать брату о том странном взгляде священника. Мало ли что могло показаться.

— Странно, точно такого я видел у Вихинга.

«Все-таки его я сбросил с лошади!» — подумал Мефодий.

Утром он отвел коня на двор Вихинга. Навстречу вышел сам хозяин, он слегка прихрамывал.

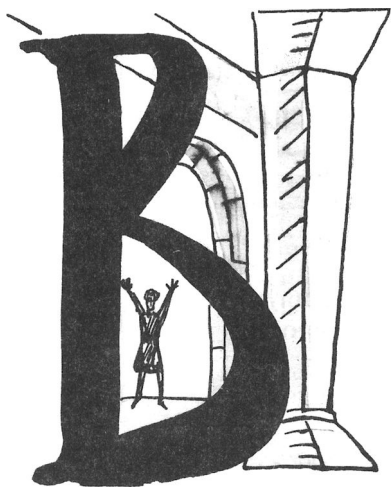
Вихинг изобразил радостное удивление:

— Откуда вы его привели? Вчера какие-то воры угнали его.

— Когда вы встретите этих воров еще раз, надеюсь, вы скажете им, чтоб они не забыли вернуть мою лошадь. — Эта фраза далась Мефодию нелегко. Но раз уж он пощадил Вихинга вчера, сегодня надо было соблюдать вежливость.

В полдень незнакомый человек подвел к дому братьев их коня и сразу скрылся.

ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

858 году, когда Фотий стал главой греческой церкви, почти одновременно во главе римской церкви стал папа Николай.

Был римский папа Николай человеком хитрым и властным. Спорить с ним боялись короли. Византийского императора он тоже хотел подчинить своей власти.

Патриарх Игнатий, которого свергнул Варда, не сдался. Всюду, где мог, Игнатий старался поносить Фотия.

Он писал жалобы папе римскому Николаю на окаянного Фотия, на то, что правит тот делами византийской церкви незаконно.

Папа римский прислал послов-легатов. Те пожили в Константинополе две-три недели, подивились красоте города и написали в Рим о том, что выбран Фотий законно, по правилам.

Иначе послы написать не могли. Так велел им сам Николай — признать законность выборов.

Но за это признание хотел теперь папа Николай подчинить своей воле Фотия.

В 862 году, когда Константин вернулся от хазар, Фотий показал ему послание папы римского.

Требовал Николай передать ему остров Сицилию, издавна принадлежащий византийской церкви.

— Сицилии ему не будет, так я и напишу, — сказал тогда Фотий.

Теперь получали братья из Византии тревожные письма.

Папа Николай объявил Фотия низложенным. Он признал свергнутого Игнатия единственным законным патриархом.

В ответ Фотий созвал священников на собор и торжественно объявил Николая еретиком, отлучил его от церкви.

Николай был так оскорблен этим решением, что тяжело заболел.

Хотя после этого греческая и римская церкви еще несколько раз мирились и ссорились и лишь потом окончательно разошлись, с того самого собора, созванного Фотием, началось разделение христиан на католиков и православных.

И другие тревожные вести приходили с родины.

Все началось хорошо — кесарь Варда окончательно перестал пьянствовать и решил всерьез заняться делами страны.

Фотий старался помочь ему советами.

А Василий Македонец нашептывал царю Михаилу:

— Отнимет ваш дядя корону у вашей царственности!

И Михаил испугался.

Весной большая армия во главе с кесарем Вардой, царем и Василием отправлялась на войну с арабскими пиратами.

Пираты завоевали остров Крит, грабили прибрежные греческие города, уводили жителей в рабство. Византийцы уже боялись жить близко от берега, бросали дома, уходили на новые земли.

За день до выхода армии Варду отвел в сторону Лев Математик.

— Фотий и я, мы оба просим тебя отказаться от похода. Прикинься нездоровым.

— Уж не хочешь ли ты меня испугать? — засмеялся в ответ Варда.

— Жизнь твоя висит на волоске. Поверь, мы знаем больше, чем ты.

— Неужели ты думаешь, что этот юнец способен всерьез угрожать мне и я унижу себя отказом идти на войну?

На следующий день Варда проехал через Золотые ворота впереди армии.

Через месяц, 21 марта 865 года, для военного совета в палатку на берегу моря вошли трое: царь, кесарь Варда и Василий. Вышли из нее лишь двое: царь и Василий.

— Теперь наконец тебя можно назвать настоящим царем, — проговорил Василий негромко.

Он взглянул на свои могучие волосатые руки и спрятал их за спину.

В палатке лежал заколотый кинжалом кесарь.

Месяц спустя Василий стал эпархом Константинополя. Потом слу-

чилося еще более удивительное: двадцатипятилетний Михаил торжественно в Святой Софии усыновил пятидесятилетнего друга. Убийца Варды был провозглашен соправителем царя — кесарем.

Жизнь в Великой Моравии была беспокойной.

Константин и Мефодий открывали новые церкви, а зальцбургский архиепископ посылал туда своих священнослужителей.

— С крестом в руках они пытаются получить от моего народа то, чего не смогли добыть мечом, — землю, доходы, власть, — с ненавистью говорил о них князь Ростислав.

Но прогнать их силой не решался.

Архиепископ и так постоянно жаловался на моравские дела папе римскому Николаю.

Теперь Мефодий жалел, что они с братом отказались от епископских жезлов, которые предлагал им Фотий. Константин был простым священником, а брат и того меньше — обычным монахом.

Они не могли дать церковных должностей своим ученикам. Этим ведал один лишь архиепископ.

Моравская земля принадлежала ему и римской церкви — так считал он. А Фотий и Николай были во вражде.

— Ученики ваши владеют лишь варварским наречием, латыни они не знают, — объяснял он братьям. — Священник должен читать по-латыни.

Народные учителя готовы были разъехаться по селениям, но архиепископ не допускал их к просвещению славян.

Лишь одного ученика — Славомира — он согласился признать, и то после многих писем князя Ростислава: Славомир был родственником князя.

— Думаю, настала пора проститься с мощами святого Климента, — сказал однажды вечером Константин брату, когда они возвратились из замка князя.

— Ты хочешь позволить захоронить их в здешнем храме? — удивился Мефодий. — Это доброе дело.

— Просто настала пора ехать в Рим, — объяснил Константин. — Если здешний архиепископ отказывается посвятить наших учеников в сан, это сделает папа римский. Ему мы и повезем мощи.

— Не лучше ли в Константинополь? Ведь все знают о твоей дружбе с Фотием, а Фотий — враг Николая.

— Боюсь, что в Константинополе сейчас не до нас.

Он был прав, Константин Философ.

В царском городе Константинополе произошли новые перемены.

Соправитель Михаила, бывший возничий и конюх Василий, как недавно и кесарь Варда, решил всерьез заняться делами страны.

И когда шел он важно вслед за царем во время торжественных шествий, все уже догадывались — вот идет будущий василевс, царь ро-

меев. Дергающийся, полусумасшедший Михаил казался нелепым уродцем рядом с величественным великаном Василием.

С раннего утра Василий вел дела с чиновниками, давал указания.

И чиновники убедились, что этот славянский выскочка может править великой Византией мудро и мощно.

Теперь уже Михаил стал бояться своего нового кесаря.

Он вызволил сосланную мать из монастыря и поселил ее во дворце на другом берегу пролива напротив Константинополя.

Двадцать пять лет купался кесарь Василий в грязи и крови. Беззаботно и весело убивал всех, кто стоял на пути к трону.

Василий понял, что должен совершить еще одно преступление.

22 сентября 867 года Михаил устроил во дворце матери очередное пиршество. Мать закрылась на своей половине, там ее охраняли слуги и евнухи.

За полночь царь уже был пьян.

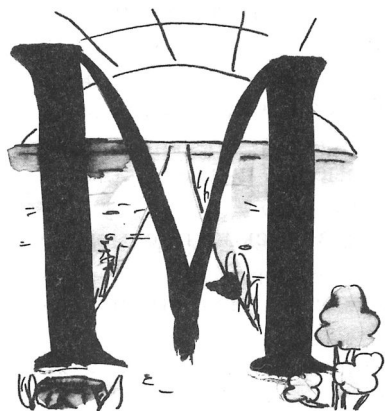
Василий перешел в другой зал, пока верные ему воины убивали царя Михаила.

Тут же, немедленно, Василий переплыл на судне через пролив, вернулся в столицу, завладел царским дворцом, а утром вся страна признала его самодержцем.

Так пала династия царей, начатая Михаилом, возведенным в цепях на трон 47 лет назад, и началась новая ветвь царей — македонская.

Через месяц родственника бывшей царицы Феодоры патриарха Фотия выслали в дальний монастырь, и старый Игнатий вновь стал главой византийской церкви.

ПОЧЕТНАЯ ВСТРЕЧА

рачным было лицо князя Ростислава. Стыдно ему было в глаза смотреть своим людям, больно было от унижения.

Король Людовик Немецкий собрал наконец большое войско. Войско это окружило князя в пограничной крепости.

На одного воина-моравы приходилось пятнадцать воинов короля.

Пришлось князю признать поражение. Он подчинился воле Людовика, и сразу двинулись в моравские земли новые посланники зальцбургского архиепископа.

— Сам вижу, что обучать мой народ теперь невозможно, — сказал Ростислав братьям.

— Мы поедem в Рим, — ответил Константин.

— Поезжайте, может быть, там примут вас с почтением. Я сам написал письмо папе Николаю.

Братья собрали учеников и двинулись в Рим. По дороге лежало Паннонское княжество. В нем тоже жили славяне, и правил ими рассудительный князь Коцел.

Страна князя Коцела была маленькая. Кое-кто из сильных правителей подумывал о паннонских землях. Но Коцел правил мудро, и война обходила стороной его границы.

Князь, как узнал, что через его город проедут славянские учителя, собрал горожан и вышел им навстречу, пригласил погостить.

— Давно я слышал о ваших славных делах, — сказал братьям князь, — думал, не отправиться ли самому в Велеград, чтоб познакомиться с вами.

И Коцел поселил братьев в своих палатах.

— А скажи-ка мне, долго ты создавал свою азбуку? — спросил он Мефодия как старшего из братьев.

— Об этом брата моего спрашивай, — улыбнулся Мефодий, — он создатель.

Князь удивился, но виду не подал.

— Создавал я ее три месяца, — ответил Константин, — а также всю жизнь.

«По ответу видно, что братья — люди мудрые, — подумал князь, — не зря о них расходится слава».

— Будете жить у меня, пока не научусь славянской письменности, — постановил он.

Учился князь Коцел с удовольствием. Прежде он знал латынь, прочел немало книг, привезенных из Рима.

Выучившись, князь отобрал пятьдесят учеников, смысленных и бойких, и отправил их вместе с братьями в Рим.

Уже много столетий Рим покупал, выпрашивал и даже воровал отовсюду мощи святых.

Вечный город стал огромным музеем. Почерневшие черепа, изуродованные кости мучеников за христианскую веру хранились в его храмах. Римляне считали, что эти останки спасают город от бед. Поклониться мощам приезжали паломники из дальних стран.

И вдруг Рим потрясло известие — из Моравии едут Константин Философ и его брат Мефодий. И везут они в подарок городу мощи самого святого Климента, друга и ученика Петра.

Дороже подарка римской церкви быть не могло.

За мощи святого Климента братья могли просить от римского папы многое.

Братья остановились в Венеции — богатом торговом городе.

Здесь стояло много судов из Константинополя и Солуни. На улицах братья слышали греческую речь. Теплое море лизало берег, осеннее солнце грело нежарко.

Папа, как только узнал, что братья добрались до Венеции, пригласил их немедленно в Рим.

Он писал, что ждет их как дорогих гостей.

Братья вместе с учениками двинулись по дорогам, которые мостили когда-то римские рабы, топтали кони легионеров.

Окаянный Фотий, заносчивый враг папы Николая, был повергнут, сослан. И это, конечно, должно было бы радовать папу.

Но папа Николай вдруг скоропостижно скончался. И пока братья были в пути между Венецией и Римом, уже новый человек, Адриан, стал папой.

— Встретит ли нас Адриан так же хорошо, как хотел Николай? — беспокоился Мефодий.

— Он встретит еще лучше, — отвечал младший брат.

Константин не ошибся.

На торжественную процессию собрались все городские священники. К ним присоединились заезжие люди и местные жители.

Процессия двинулась по улицам Рима и вышла за городские ворота.

Впереди несли большой крест, за ним шел сам Адриан в парадных одеждах, в руках у священников были зажженные свечи, хоругви. Следом шли простые римляне.

За городскими воротами процессия встретила Константина, Мефодия и славянских учеников.

Все они торжественно прошли по улицам Рима. Впереди несли мощи святого Климента.

* * *

Впервые в истории церкви римский папа признал, что славянские книги тоже могут просвещать народ.

Константин вручил Адриану Библию, которую они переводили вместе с Мефодием. Папа перевод одобрил.

Над славянскими книгами, что привезли братья, он устроил молебен, и после молебна стали эти книги священными.

Учеников из славянских земель посвятил Адриан в сан служителей церкви, и теперь они получили право учить свой народ грамоте.

А чтобы и римляне услышали славянское богослужение, повелел папа в главных соборах провести четыре торжественные службы на славянском языке.

О братьях рассказывали уже легенды.

Как младший брат побеждал своей мудростью многочисленных врагов христианства в диспутах, а старший — отважный воин — побеждал и мечом.

Рассказывали, будто больные мгновенно излечивались, едва лишь дотрагивались до мощей святого Климента. Клялись, что лично видели эти чудеса!

Но Константин знал, что в Риме живет много врагов славянской письменности.

— Ни одному обращенному народу не позволялась письменность на

родном языке, за что же такая честь славянскому? — негодовали священники.

Константин умел спорить. На диспутах он говорил спокойно и ровно, хотя видел злобные лица, ненавидящие глаза. Он хотел убедить их в равных правах всех языков, всех народов.

Лишь однажды возмутился, когда захавшие в Рим иноземные священники вызвали его на диспут, но не дали говорить. Они только плевали в его сторону и кричали:

— Еретик ты! Еретик!

Сидевший впереди неожиданно подскочил к Константину, выхватил из его рук славянскую книгу и принялся ее топтать.

Тогда крикнул им Константин Философ так, что заглушил все вопли:

— Горе вам, книжникам, присвоившим себе ключ разума! — Голос его взлетел к потолку и словно с неба обрушился на беснующихся священников. — Сами не идете к знанию и других не пускаете! Не на всех ли одинаково светит солнце! Не все ли мы одним воздухом дышим! Да стыдно же это — признавать достойными лишь три языка, а другие народы обречать быть глухими и слепыми!

Многие диспуты кончались иначе.

— У нас в соседстве нет славянских народов, но есть племена другие, — говорили служители Константину. — Они тоже прозябают во тьме невежества. Как по-твоему, нужна ли им письменность?

— Я уверен, что любой народ должен говорить и писать на своем языке, — повторял Константин.

То, что утверждал Константин на диспутах, не произносилось в римской церкви никогда раньше.

Немногие соглашались с ним, другие обескураженно качали головами.

В Риме подружился Константин с папским библиотекарем Анастасием. В молодые годы Анастасий бывал несколько раз в столице Византии, но Константина видел лишь издали.

Они были во многом похожи. Любили одни и те же книги.

Анастасию тоже когда-то предлагали высокий сан, и он тоже отказался от житейских богатств ради книжной премудрости.

Сейчас они ходили вдвоем по улицам, и Константин читал наизусть Анастасию огромные отрывки из этих книг.

Анастасий удивлялся его памяти, ведь Константин четыре года жил в Моравии, где не было константинопольских библиотек.

— Если нет возможности иметь книги дома, приходится держать их в голове, — отшучивался Константин.

— Тебя часто приглашают в гости, — сказал как-то раз Анастасий. — Тебе приходится есть и пить в незнакомых домах. Прошу тебя, будь осторожен: в этом городе у тебя больше друзей, но есть и враги.

— Я знаю об этом. Но сам подумай: отказаться от предложенной пищи — оскорбить хозяина.

— И все-таки прошу тебя снова: будь осторожен!

* * *

Братья достигли цели. На днях они собирались покинуть Рим. Но неожиданно Константин заболел.

И ОСТАЛСЯ МЕФОДИЙ ОДИН...

начала он не хотел верить, что скоро умрет.

Ему было лишь сорок два года.

В любом деле он побеждал, и со стороны многим казалось, что всю жизнь удача сама шла к нему.

Еще несколько дней назад братья и ученики — все вместе обсуждали, как понесут знания славянским народам.

В Рим приехали послы из Болгарии, они приглашали братьев к царю Борису.

Еще на днях Константин снова беседовал с папой Адрианом.

— У вас есть большая цель, есть уверенность и есть мужество, — говорил тот.

— Твоя цель не менее велика, — отвечал Константин, — ты ведешь за собой всю церковь, твое слово должно звучать в каждом уголке мира.

— Если бы это было так! — горько усмехнулся римский папа. — Мое слово ничего не стоит в самом Риме. Апостольский посох достался слишком слабым рукам. Я не только слабый па-

па, я и несчастный отец. Брат кардинала Елевтерий похитил мою дочь, прячет ее в самом Риме, где-то здесь же поблизости, и еще издевается над моими угрозами. Счастье мое, что вы с братом явились под стены города и передали останки Климента. Это событие заслонило меня от унижений.

— Скоро мы отправимся в путь, — сказал Константин, — из Моравии доходят тревожные вести.

— Не спешите, — принялся уговаривать Адриан. — Я был бы рад увидеть тебя кардиналом нашей церкви. А там, представь, — Адриан усмехнулся, — совсем недалеко и до самого папы римского. Правда, место это не так безоблачно, как может показаться издали.

— Много лет назад я решил, что для меня достаточно быть простым священником, — вежливо, но твердо отказался Константин.

— Тогда я брата твоего сделаю епископом. Ты сам знаешь, как много значит в церкви высокий сан.

С раннего утра и до ночи все последние годы делали братья вместе одно дело, одинаково трудились и одинаково думали.

Сейчас Константин лежал неподвижно. С трудом, преодолевая боль, он едва поднимал руку.

Константин уже понял, что больше ему не встать.

Он принял монашество и взял, как положено, новое имя.

Теперь его звали Кириллом.

В последний день жизни Константин подозвал старшего брата.

Он печально улыбнулся, и Мефодий было поверил в чудо — все-таки есть уже силы, чтобы улыбаться.

Но это были последние силы.

— Послушай меня, брат... — Константин умолк, потом вновь заговорил: — Мы с тобой, как два вола, тянули одну борозду. И вот я падаю на гряде... Я знаю, ты любишь родной Олимп, но молю тебя, не покидай ради него наше поле. Помни, ты должен закончить то, что так славно начали мы вдвоем.

Мефодий безмолвно кивнул. По щекам его текли слезы, и он уже не скрывал их.

— Позови наших учеников, — попросил Константин Философ.

По одному ученики подходили к Константину и прощались с ним.

В тот вечер, 14 февраля 869 года, умер Константин Философ, названный в монашестве Кириллом, создатель славянской письменности, первый учитель славянских народов.

Остался Мефодий один...

Пусто и глухо было в доме. Пусто и глухо было в душе Мефодия.

Посланцы папы Адриана унесли тело брата, положили его в гроб и опечатали папской печатью.

Стоял гроб в храме, и служили над ним траурные службы.

Ночь Мефодий провел в храме у гроба. И тут он вспомнил о клятве, которую дали они своей матери.

«Я обязан похоронить тело брата на родине», — решил Мефодий.

На другой день он пришел к Адриану.

— Я разделяю горечь твоей утраты, — Адриан тяжело вздыхал, — ведь и я любил твоего брата.

— Я прошу вашу святость разрешить мне выполнить клятву, данную матери перед отъездом.

— Хорошо, посоветуюсь с кардиналами, — ответил Адриан.

На следующий день Мефодию сообщили, что Адриан весь вечер совещался с кардиналами, епископами и именитыми гражданами.

Они настаивали, чтобы тело Константина Философа, названного в монашестве Кириллом, осталось в Риме.

Они постановили похоронить Кирилла-Константина с почестями в главном соборе, в церкви святого Петра, на месте, которое прежде предназначалось самому папе Адриану.

Мефодий снова пошел к Адриану. Он уже не напоминал о клятве.

— Понимаю, как велик тот почет, который вы оказываете брату, — сказал Мефодий, — но уж лучше похоронить его в церкви святого Климента. Ведь именно брат разыскал и подарил Риму его мощи.

— Церковь та чересчур скромна, а твоему брату необходимо воздать достойные почести.

— Брат мой не любил почестей и при жизни.

Папа Адриан снова обещал посоветоваться. Опять собрались кардиналы и епископы.

Они решили согласиться на похороны Кирилла-Константина в церкви Климента. Открыть гроб для прощания они не позволили.

— Тело это так свято, что ни один земной взгляд не должен касаться его! — постановили кардиналы и епископы.

Никогда еще не видели римляне, чтобы простого священника, приехавшего из далекой страны, родившегося во враждебной Византии, хоронили так торжественно и пышно.

Все люди духовного звания, которые жили в те дни в Риме, шли впереди гроба. Они пели псалмы и гимны, горели дорогие свечи.

Следом за гробом брел, опустив голову, Мефодий.

Процессия медленно шла по узким улицам Рима к храму Климента. У церкви их встретил сам папа Адриан.

В те часы по Риму невозможно было проехать верхом.

Площади и улицы города были забиты людьми.

Римляне шли к храму отдать последние почести великому человеку.

Церковь хоронила Кирилла-Константина по ритуалу папского погребения.

В Риме, недалеко от стен старинного Колизея, стоит скромный храм Климента. Там покажут любопытным туристам место, где хранятся останки старца, найденные молодым Константином Философом, послом Византии в хазарскую землю. Рядом с ними похоронен и сам Кирилл-Константин, славянский учитель.

* * *

А Мефодий выехал с учениками к князю Коцелу, в Паннонию. С ними были славянские книги, освященные самим папой.

Был теперь Мефодий не простым монахом, а епископом.

В первый день встречи грустил и радовался князь Коцел.

Грустил оттого, что не было теперь с Мефодием брата. А радовался тому, что замысел Константина Философа удачно выполнен и бывшие ученики сами теперь будут учителями народа.

На второй день князь Коцел задумался.

— Епископ — это, конечно, сан высокий. Но что же ты не спросил у папы Адриана более высокого сана?

— Мне и этот не обязателен, — ответил Мефодий.

Мудрый князь только головой покачал на такое простодушие.

— А сумеешь ли ты противостоять зальцбургскому архиепископу? Вот если б ты тоже стал архиепископом, как и он, ты бы никому не был подвластен, кроме самого папы да Бога. Возвращайся назад в Рим, пока не остыла память о вас, и проси у папы посвящения в новый сан.

— Да могу ли я, — отвечал смущенный Мефодий, — за самого себя просить?

— А я письмо напишу папе. Скажу, что мы с князем Ростиславом просим создать самостоятельную славянскую церковь, независимую от зальцбургской.

Снова вернулся в Рим Мефодий.

В первый же день пошел к храму Климента, навестить брата.

Постоял молча. Посоветовался в мыслях с Константином.

Папа встретил его милостиво.

Вскоре принял Мефодий новый высокий сан и поспешил назад в земли паннонских и моравских славян.

Был он теперь самостоятельным архиепископом, подчинялся лишь Риму. И были у него большие планы.

* * *

Не хотел князь Ростислав подчинять свой народ воле короля Людовика Немецкого.

Накопил он силы и снова начал войну.

В те месяцы, пока братья были в Риме, Ростислав громил королевские войска.

Понял король, что придется ему признать навсегда независимость Моравского княжества.

Но тут помог Людовику своими советами архиепископ зальцбургский.

— У Ростислава есть племянник, человек невежественный и жадный, зовут его Святополк. Предложи ему стать князем у славян, и он выдаст своего дядю.

Священник Вихинг устроил тайную встречу Святополка с королем и архиепископом.

Король не собирался никого уговаривать. Уговоры — доля слабых, считал он, а сильные приказывают, иногда могут пообещать.

Уговаривал архиепископ. Он лъстиво улыбался.

— Такой доблестный воин, а всегда в тени.

Святополк долго не мог понять, чего от него ждут.

Он громко сопел, тяжелая челюсть его отвисла. Наконец он выложил грузные кулаки на стол и проговорил:

— Ладно, доставлю вам Ростислава связанным. Только чтоб вся Моравия моя стала.

— Это уж как Бог рассудит, — неопределенно пообещал архиепископ.

Сидели за столом князь Ростислав, объединивший славянские народы на борьбу против короля Людовика, и племянник Ростислава, слав-

ный воин Святополк. Сидели, дружески разговаривали о том, что предстоит делать. Дел было много. Война с королем кончена победой. От князя Коцела возвращается Мефодий. И где было знать Ростиславу, что завтра захватит его доблестный воин Святополк обманным путем и повезет связанного к королю.

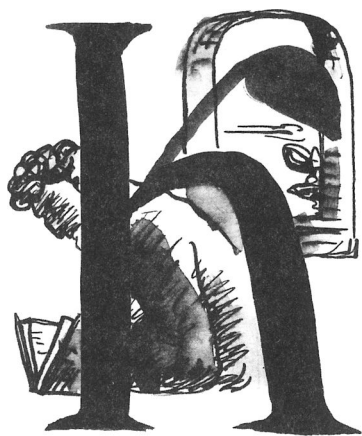
Король Людовик любил позабавиться. Он созвал для забавы своих маркграфов — пусть судят Ростислава.

Маркграфы — те самые, которых Ростислав побеждал в открытом бою, — вдоволь поиздевались над связанным славянским князем и присудили казнить его.

Но король проявил свою королевскую милость.

— Пусть живет, — указал он, — только выколоть глаза да отправить в темницу к крысам.

В ТЮРЬМЕ

Когда-то в молодые годы был у Мефодия близкий друг.

В одном бою свалили с коня этого друга дикие кочевники, обмотали его ремнями, чтобы потом продать в рабство. Но тут повернул свою лошадь Мефодий и врубился в их ряды. Он не думал об опасности, он видел лишь своего друга, молящего о помощи. Направо и налево рубил мечом Мефодий, и, где проходил его конь, там оставался коридор из поваленных тел...

Пробился к другу Мефодий, забросил его на своего коня и вырвался из середины вражеской орды.

Так и сейчас — узнал Мефодий о пленении князя Ростислава и заторопился в Моравию его спасать.

— Ты подумай, прежде чем отправляться туда, — уговаривал осторожный князь Коцел, — у короля с архиепископом сила и власть, что ты выставишь против них? Даже в своем замке я не смогу уберечь тебя, если потребует выдать тебя король. Раньше Ростислав

заслонял меня от Людовика, а теперь лишь этот неглубокий ров вокруг стен замка.

— Сам папа поставил меня архиепископом Паннонии и Моравии, и зальцбургским служителям я неподвластен. Усовещу короля и князя спасу из позорного плена.

Едва он появился в Моравии, немецкие священники с ведома князя Святополка схватили его и увезли в тюрьму.

Через несколько недель король Людовик и зальцбургский архиепископ устроили очередной суд. Теперь судили Мефодия.

Как хотелось им выкричать в лицо Мефодию всю свою ненависть, всю злобу!

Столько лет не было им дани со славянских земель. А теперь и вовсе не будет, потому что этого Мефодия в Риме назначили архиепископом. Папа Адриан попросту отобрал у них моравские и паннонские земли. Но до папы далеко, а Мефодий стоит перед ними, и не будет ему ниоткуда помощи.

Один из епископов, Эрменрих, примчался на суд в одежде всадника. Он ударил Мефодия плетью, которой только что стегал коня. Здесь же был и Вихинг. Сейчас Вихинг держался даже спокойнее многих. Что ему было волноваться, если конец суда ясен и так. Поэтому Вихинг удержал Эрменриха, усадил его в кресло. А Мефодий стоял, не заслоняясь, глядя прямо в жестокие, ненавидящие лица.

— Я говорю истину даже перед королями и не боюсь. Я не слабее тех, которые уже приняли мученический венец за слово правды! Делайте со мной что хотите! — отвечал он гордо.

Тут и сам король Людовик, который прежде только наблюдал, решил вмешаться.

— Не утомляйте моего Мефодия, он уже начинает потеть, словно стоит у печки! — насмешливо проговорил король.

Но Мефодий взглянул на него и ответил не менее насмешливо:

— Да, государь, когда одного философа спросили, отчего он вспотел, тот ответил: «Оттого, что спорил с глупцами!»

Так королю еще никто не отвечал. Даже судьи растерянно примолкли.

Король зло хлестнул по полу плетью, поднялся и вышел.

Мефодия водили босиком по морозу. Били палками, морили голодом.

От него требовали лишь одного — отречения. Отречения от славянских книг, от славянской проповеди.

Если бы он согласился, его бы немедленно освободили, дали бы лошадь, провожатых, отправили бы домой в Византию.

Когда-то он был стратигом, повелителем целой области. По утрам у его дома собиралась толпа чиновников и просителей. Все ждали его выхода. Слово Мефодия исполнялось немедленно.

Был он тогда молод, жил в знатности.

Сейчас ему исполнилось пятьдесят лет, и не видел он рядом ни близкого человека, ни просто сочувствующего лица.

В Моравии правили в это время иноземные маркграфы.

Мечтал Святополк стать властителем своей земли, а попал к королю в тюрьму. Зря надеялся он на королевскую благодарность, когда предавал своего дядю и выдавал Мефодия.

— Предавший своего родственника предаст и меня, — рассудил король. — Я велел его поддержать в тюрьме, — сказал он зальцбургскому архиепископу. — Не ослепить ли и его, как Ростислава?

— Поддержать в тюрьме стоит, а ослеплять не спешите, он может вам пригодиться, — посоветовал архиепископ.

Моравский народ, узнав о суде над Ростиславом и Мефодием, восстал.

Восстанием руководили ученики братьев. Священник Славомир, тот самый дальний родственник Ростислава, разбил войска немецкого короля и вошел в Велеград.

Тогда слуги Людовика немедленно вывели Святополка из темницы, хорошо накормили, приодели и представили перед королем.

— Хочешь по-прежнему мне служить? — спросил Людовик.

Спроси он так верного своему слову простодушного Мефодия, тот бы не задумываясь отказался.

А Святополк не задумываясь ответил:

— Готов служить.

— Бери мои войска и веди их на Велеград. Разобьешь восставших, получишь назад княжество.

Святополк привел войска под стены столицы и отправился в город, чтобы убедить восставших сдаться.

В своем городе он тут же выстроил осажденный гарнизон, вывел за ворота и напал на растерянное королевское войско, которым сам несколько часов назад командовал.

— Как мы с ним, так и он с нами, — отвечал архиепископ старому королю, упрекнувшему Святополка в неверности. — Не ожидал я, правда, от него такой хитрости, думал, что он глупее.

Святополк освободил от войск короля Моравию, объединился с чехами и сербами, и теперь уже сам Людовик трепетал перед ним.

Король признал полную независимость Моравии, дал слово больше не тревожить ее границ.

В это время в Риме умер папа Адриан. На его месте был новый папа — Иоанн Восьмой.

И едва только вступил он на свой престол, как пришли к нему из Моравии вести: архиепископа Мефодия судили без разрешения Рима и держат в тюрьме.

Иоанн хорошо знал Мефодия и брата его, Константина Философа. Вместе с другими выходил навстречу им за ворота города. Вместе с другими он хоронил Кирилла-Константина.

А главное — он сам по приказу Адриана вел церковную службу над славянскими книгами, превращал их в священные.

Иоанн относился к этому неодобрительно. Спорить на диспуте с Константином Философом он не стал. Константин любого спорящего мог убедить. И папе возражать не решился. Улыбаясь через силу, он встретил братьев в своем храме, а потом провел обряд освящения книг.

В тот день, когда послы из Моравии принесли ему весть о Мефодии, папа Иоанн задумался.

С одной стороны, сидит Мефодий в тюрьме — и хорошо. Постепенно забудут славяне и о своей письменности.

Но если посмотреть с другой стороны, то Мефодий самим папой назначен, только папе он подчиняется.

И если младшие станут судить старших, то и власть распадется.

Сочинил папа Иоанн хитрое послание.

Он приказал наказать архиепископа зальцбургского и остальных, что судили Мефодия. Мефодия приказывал освободить, чтобы тот правил церквами на славянских землях. Самому же Мефодию он запретил вести просвещение на славянском языке.

* * *

У ворот тюрьмы Мефодия ждал Вихинг.

— Мне велено сопровождать вас в Велеград, — тут Вихинг едва удержался от смеха, — и охранять вашу безопасность.

— Взяли сторожем волка, — покачал головой Мефодий.

— Вы меня обижаете, а я ведь вас защитил на суде, — почти искренне проговорил Вихинг. — Помните, когда епископ Эрменрих замахнулся на вас плетью.

Так они ехали вдвоем до Велеграда в окружении небольшой охраны.

— Как приедем, поднимемся к князю в замок, — говорил Вихинг, — он ждет нас к себе на пир.

А уже в столице встречали Мефодия все его ученики.

Они были живы, и книги удалось им спасти, и обучение народа они уже возобновили.

Не хотел Мефодий идти на пир к Святополку, не мог он простить предательства. Ученики рассказали ему о смерти Ростислава в темнице. Но пришлось идти, иначе как потом ужиться на одной земле с князем!

Вошел Мефодий в зал, оглядел богатый стол и веселых гостей.

Слева от Святополка сидел Вихинг.

— А вот и архиепископ наш! — радостно закричал Святополк, увидев Мефодия. — Что это, думаю, за столом лишь князя сидят, архиепископа нет. Смотри, архиепископ, тут и язычник есть один среди нас — чешский князь Боривой. Вон, гляди, сидит под столом.

Я ему говорю: «Христианам непристойно сидеть за столом с язычником». Слуги мои и затолкали его под стол. Пусть попробует вылезти без моего позволения! Хочешь, окрести его сейчас.

Мефодий, еще не веря, заглянул под стол. Там сидел пожилой человек в княжеской одежде. Рядом с ним стояли еда, вино.

Их глаза встретились, чешский князь сразу отвел взгляд.

— Плохо следовать языческим законам, но еще хуже не уважать гостя, даже если он язычник! — не утерпел Мефодий. — Повели, князь, занять приличествующее ему место.

— А ты его сначала просвети! — продолжал куражиться Святополк. — Не для того я согласился управлять своим скотским народом, чтобы сидеть за одним столом с язычником, даже если он славянин.

— Народ твой не скотский, — сурово глядя на Святополка, проговорил Мефодий, — и тебе, князь, не к лицу презирать своих людей, даже если ты властвуешь над ними. Знаю я, чьи песни ты повторяешь. — Мефодий кивком указал на Вихинга. — И не могу я сесть за стол, где презирают свой народ и попирают законы гостеприимства.

Князь Святополк посидел молча, разглядывая свои кулаки, потом зло взглянул на Мефодия и проговорил:

— Ладно, будь по-твоему. Сегодня в честь твоего приезда уступаю тебе. Вылезай из-под стола, Боривой, садись рядом с архиепископом.

Гости сделали вид, что все это было просто княжеской шуткой, но по угрюмому взгляду Святополка Мефодий понял, что мира между ними не будет.

ЦАРСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ

заступников у него не осталось.

Князь Коцел умер, и в Паннонии распоряжался сын короля Людовика Карломан.

Папа запретил славянское просвещение.

Но к чему была свобода, к чему высокий церковный сан, если бы Мефодий отказался от славянских книг?

Несмотря на строгий запрет папы Иоанна, он продолжал учить и устраивал новые школы.

Фотий был низвергнут, сослан. Два солдата-стратиота постоянно дежурили при нем.

Лишь редкие письма от друзей доходили до Фотия. Радости они не приносили.

Восстановленный на церковном престоле патриарх Игнатий приказал разогнать литературную и философскую школы.

Готовились списки древних книг, книги эти патриарх собирался сжечь. Учеников, образованных людей ссылали.

Патриарший престол Фотию был ни к чему. Но вернуться в столицу, чтобы спасти книги, сохранить учеников, было необходимо.

Солдаты, которые стерегли Фотия, подсказали выход.

Они говорили между собой по-славянски. Оба родились в Македонии, в окрестностях Адрианополя, там же, откуда был родом Василий. Были они смуглы, белозубы.

Как-то раз Фотий спросил, отчего так черны их волосы.

Стражники засмеялись, объяснили, что в окрестностях Адрианополя лет триста назад поселились выходцы из Армении. У некоторых местных крестьян отец или мать армяне. У них тоже отцы армяне, а матери славянки.

Фотий знал большое место Василия. Новому царю казалось, что даже дворцовые слуги скрытно потешаются над его низким происхождением.

«Я сделаю ему такой подарок, за который он будет благодарен мне до конца жизни, — решил Фотий. — Я подарю ему царскую родословную».

Стражники, крепкие неграмотные парни, смотрели удивленно, когда Фотий чертил на песке буквы и смеялся при этом. Что может быть смешного в буквах?

Они не догадывались, что Фотий готовит возвышение Василия в глазах истории, а заодно и свое возвращение в столицу.

Сначала он выдумал имя отца. Написал в ряд имена членов семьи Василия: Василий, Евдокия, Константин, Лев, Александр, Стефан. Взял первые буквы из этих имен, и получилось слово: ВЕКЛАС.

На старинном папирусе знаками, какими пользовались древние писцы, он написал историю об армянском царе Тиридате.

О том, как четыреста лет назад родственники этого царя, Артабан и Клиен, явились в Византию и поселились в Македонии. То были мужи отважные, борцы за христианскую веру. Через 350 лет их потомок Веклас женился на знатной матроне, которая тоже была царского рода — от самого Константина Великого.

На последней странице Фотий написал пророчество.

Сын Векласа, Василий, соединит кровь двух великих царских родов, будет знаменитейшим царем и славой своей затмит всех государей мира.

Фотий еще раз, улыбаясь, прочитал свое сочинение.

Через неделю прибыл посланец от Феофана, близкого друга. Феофан заведовал императорской библиотекой и посылал Фотию книги. Вместе с прочтенными книгами Фотий приложил и свое сочинение, а в середину вставил письмо библиотекарю.

Все произошло, как Фотий и рассчитывал.

Феофан удивился незнакомой книге, стал ее листать, нашел письмо, прочитал и тоже улыбнулся забавному умыслу. Книгу эту он поставил вместе с другими.

Однажды он заманил полуграмотного императора Василия в библиотеку и показал самое ценное сокровище среди книг.

— Даже халиф несколько раз уговаривал продать этот свиток за большие деньги.

— Если халиф уговаривал, значит, тут что-то путное есть. Почитай-ка мне страницу-другую.

Библиотекарь сделал растерянное лицо.

— Книгу эту многие пытались разобрать, но знаний их было недостаточно. Лишь двое — Константин Философ да окаянный Фотий — смогли бы ее прочесть.

Василий удивился.

— Что же это за сокровище, которое халиф мечтает купить, а у нас прочесть никто не может?

В тот же день император приказал вернуть Фотия из ссылки и доставить его во дворец.

Фотий прибыл во дворец под стражей.

Как и было положено, он поклонился императору до пола и поцеловал багряный его сапожок, шитый золотом.

Василий сунул ему древнюю книгу.

— Читай, посмотрим твою ученость.

Фотий робко взял книгу, открыл ее, с удивлением смотрел на императора.

— Эта книга такая древняя, что прочесть ее будет непросто.

Медленно, словно разбирал он слова с трудом, Фотий принялся читать собственное сочинение.

Император сначала хмурился. Ему было непонятно, что интересного в жизни далеких потомков армянского царя.

Но когда Фотий назвал несколько македонских селений в окрестностях Адрианополя, Василий оживился.

Наконец Фотий перевернул последнюю страницу.

— Имя того мужа будет Веклас. А с букв, из которых состоит его имя, начнутся имена его сына, и жены сына, и детей сына.

— Постой! — Император стал перебирать по пальцам имена своих близких родственников: Евдокия, Константин, Лев... — Подходит! — удивился он. — Читай же скорей, что там дальше.

— Дальше совсем немного, государь. Лишь говорится, что сын Векласа, Василий, соединивший кровь двух великих царских родов, сам будет великим царем...

— Так это же обо мне!

Василий даже вскочил с трона.

— Обо мне эта книга! Не зря я думал, что выполняю Божью волю. И рода я не простого... Ну-ка прочти еще раз конец.

Фотий, изображая волнение, снова прочитал последние строки.

— Так вот почему эту книгу мечтал купить халиф! И она стояла без внимания, пылилась в библиотеке! Да ее во всех храмах надо прочесть,

чтобы все знали, какого я великого рода! — Василий посмотрел на Фотия. — Сейчас же садись переписывать эту книгу понятными буквами, да покрупней, чтобы я мог прочитать. Стражу твою я гоню прочь, снова считай себя свободным. Будешь жить во дворце, и... — Василий мгновение помолчал, подумал, потом решительно произнес: — И назначаю тебя воспитателем своего наследника. А старик Игнатий как-нибудь это стерпит.

Так Фотий снова вернулся в столицу.

И даже сам Игнатий был бессилен теперь.

Книги, которые патриарх собирался сжечь, Фотий забрал во дворец. Учеников своих он сохранил в столице. Мало того, они снова могли продолжать занятия.

Как злобился Игнатий, как ненавидел он возвращенного из ссылки Фотия!

Однажды библиотекарь Феофан проговорился другу своему Григорию из Сиракуз о тайне древней рукописи. Через несколько дней Григорий заболел и решил, что болезнь его оттого, что разделил он секрет

великого обмана. На исповеди перед смертью Григорий рассказал об обмане священнику.

Священник, ошеломленный дерзостью Фотия, немедленно пошел к патриарху. Он знал, что разглашать тайну исповеди запрещено, но тайна эта была так ужасна!

Патриарх выслушал донос.

Казалось, судьба Фотия снова была у него в руках.

Но что он мог сделать: пойти к императору и сказать, что история с царским его происхождением — сказка, обман, сочиненный Фотием?

Такая правда императору была не нужна.

Пришлось Игнатию наказать собственного друга, священника, пришедшего с доносом. За разглашение тайны исповеди священник был лишен сана и выслан.

МЕФОДИЙ и ВИХИНГ

же в соседних землях, у болгар, чехов и поляков, читали славянские книги.

Но пошли на Мефодия в Рим кляузные письма. Писал архиепископ зальцбургский, писал любимый друг Святополка Вихинг, писал и сам князь под диктовку любимого друга.

Мефодия обвиняли во многих грехах. Мало того, что нарушил он запрет Иоанна, проповедует по-славянски, он еще и не Божескому учению учит — не смирению перед властью, а гордости еретической. Требовали Мефодия немедленно отозвать, от церковных и книжных дел отстранить.

Обвинения были серьезными. Папа Иоанн решил разобраться сам. Он вызвал Мефодия в Рим.

Вихинг и князь пировали в замке.

Мефодий в своем доме укладывал книги, в последний раз наставлял близких учеников — Климента и Горазда.

— Надо думать наперед обо всем... — Он взглянул на Климента. — Если я не вернусь из Рима, ты, Климент, возьмишь Наума и Ангелария и

уйдешь в болгарскую землю. Болгарский царь примет вас с любовью. Он не раз приглашал меня. А ты, Горазд, ты морав, и тебя я прошу не покидать свой народ.

— Не пройдет и полугода, как ты снова будешь здесь, — с уверенностью ответил Горазд. — Папа Иоанн разберется и примет нашу сторону.

— Я в этом не уверен, — удрученно вздохнул Мефодий.

В замке за пиршественным столом тоже говорили о будущем.

— Вот это письмо, о котором вчера мы беседовали, князь. — Вихинг развернул письмо к папе Иоанну. — Тебе осталось лишь поставить на нем личную печать, чтобы папа уверился, что писал именно ты.

— Все написал так, как мы говорили? — недоверчиво переспросил Святополк. — Я и мои слуги не желаем слушать варварскую славянскую службу, а хотим латинскую. Мефодий опасен стране, и я прошу папу поставить архиепископом достойнейшего Вихинга. От себя ты там ничего не придумал?

— Нет надобности от себя придумывать, князь. Написанного здесь и так достаточно, чтобы через год именем Мефодий называли только бродячих собак.

— Наконец-то удалится он из наших земель. По рукам сковал своей суровостью, — в который уже раз принялся жаловаться Святополк. — Вчера говорит: «Плохо живешь, князь. И не скажет о тебе доброго слова народ на твоей могиле». Посмотрим, кто кому могилу выроет раньше.

В Рим смертные враги — Вихинг и Мефодий — ехали вместе.

Готовился Мефодий предстать перед суровым судом.

Вихинг заранее радовался победе.

Но все произошло иначе.

На юге Италии стояло сарацинское войско, грозило Риму. И лишь византийский флот мог отвести опасность. Папа Иоанн умолял императора Василия и вновь избранного патриархом Фотия спасти Рим от поругания.

Как же запрещать славянский язык, если Василий сам из Македонии, а Фотий — друг Мефодия.

И хотя папа Иоанн год назад строго запретил учить славян на родном языке, сейчас он же и отменил этот запрет.

Теперь суровое письмо Иоанн написал князю Святополку.

Просил Святополк сделать Вихинга епископом, и папа согласился. Но сказал в письме: «Мы повелеваем, чтобы Вихинг во всем слушался Мефодия».

Просил князь молебнов на латыни, папа так и ответил: «Мы повелеваем, чтобы для тебя служились молебны на латинском языке».

А для всего народа — на родном, потому что славянский язык для «истинного учения нисколько не служит препятствием».

Так написал в письме своем папа Иоанн, запечатал письмо и вручил Мефодию, чтобы тот сам передал его князю.

Торопил коней на обратной дороге Мефодий. Он ехал один: Вихинг неожиданно отправился на день раньше.

Хотелось Мефодию петь счастливые песни — с врагами было покончено.

И хотя исполнилось ему уже 60 лет, чувствовал, что сил у него было много.

У ворот Велеграда Мефодию попался немецкий священник. Неожиданно священник погрозил ему кулаком.

— Дожидаются там твоего возвращения!

«Зелья какого-нибудь хлебнул, что ли?» — подумал о нем удивленный Мефодий.

Он вошел в свой дом и увидел понуро сидящих учеников.

— Что случилось? Несчастье с кем-нибудь? — спросил Мефодий. Радостное настроение еще не пропало, он с трудом удерживал улыбку.

— После тех вестей, что привез Вихинг, хуже несчастья уже быть не может, — отозвался Климент. — Лучше вовсе не жить, чем подчиниться Вихингу.

— Зачем подчиняться? Вихинг должен во всем слушаться меня. Так приказал папа Иоанн.

Мефодий вынул запечатанное письмо. Ученики смотрели на него с недоверием.

— А как же Вихинг? Он тоже привез письмо от папы. Папа пишет князю, что распоряжаться моравской церковью назначает Вихинга. А ты должен во всем его слушаться. И чтобы ни одного славянского слова не произносили в церкви, ни одной славянской книги не было в доме.

Теперь уже Мефодий смотрел недоуменно. Папа лично читал ему письмо перед тем, как запечатать.

— Слишком долго ты ехал, — встретил Мефодия князь Святополк, — или весть тяжела была?

Князь, как всегда, пировал. Они сидели с Вихингом обнявшись. Здесь же были другие немецкие священники.

Мефодий, путаясь в одежде, достал письмо.

— Вот, князь, открой и прочти.

— Ты смотри, он еще и письмо привез, — показал князь Вихингу. — Садись, Мефодий, с нами, не бойся. Обижать я тебя не позволю. Ты меня обижал, а я не обижу. Только встань на колени перед Вихингом да испроси у него прощения. Если простит, слушайся его во всем.

— Князь, прочти письмо, — настойчиво повторил Мефодий. На Вихинга он старался не глядеть.

— На, прочти ты, — князь передал письмо Вихингу, — да перескажи, что в нем.

Пока Вихинг читал, все примолкли. Неожиданно Вихинг отложил послание папы и рассмеялся.

— Нет, вы посмотрите, каков, а? Он, оказывается, и письма подделывать способен! Прямо как настоящий папа Иоанн пишет.

— Подожди, тут не до смеха! — сурово перебил Святополк и взглянул на Мефодия. — Ты что же это, Мефодий? Мы тебя простить собирались, а ты свое письмо за послание самого папы хочешь выдать? Хорошо, Вихинг привез настоящее письмо вчера, а то ведь и обманул бы ты нас.

— Не знаю, какое письмо привез Вихинг, а только я даю тебе личное послание папы!

— Иди, Мефодий, подумай пока, — с тихой угрозой проговорил князь. — Да и мы подумаем, что с тобой дальше делать.

В тот же вечер Мефодий написал папе Иоанну.

Он спрашивал, как могло выйти, что папа дал одновременно два противоположных послания.

Ученик спрятал письмо под одежду и помчался, несмотря на непогоду и темень, в сторону Рима.

Жизнь казалась конченой.

Только тяжелая усталость, и ни сил, ни надежд.

* * *

Славянские учителя снова были отстранены. А немецкие священники понаехали в столицу, ходили важно по городу.

— Папа поручил власть нам, — говорил Вихинг, — а Мефодия с его учением велел гнать!

С утра замок князя окружили люди.

В замке Святополк, Вихинг и его друзья судили Мефодия.

Сначала вышел на середину Вихинг и прочел послание, которое он привез от папы.

Папа писал, что посвятил Вихинга в архиепископы и взял с него клятву следить за Мефодием.

Святополк довольно кивал каждой фразе.

— А теперь послушаем то подложное письмо, которое осмелился сочинить Мефодий, — объявил Вихинг.

В это время на лестнице послышались шаги. Кто-то очень торопился на суд.

В зал быстро вошел человек в дорожной одежде.

— Личный посланник папы Иоанна, — объявил он и подошел к Святополку. — Письмо от папы. Прочти немедленно, князь.

Посланник был человеком известным. Его знали многие.

— Прочти-ка ты сам, а мы послушаем, что папа пишет. Требуется, наверно, чтобы построже мы судили Мефодия.

Посланник развернул письмо и громко, на весь зал, стал читать:

— Мефодию, архиепископу.

— Подожди, — остановил посланника Святополк, — вот же архиепископ, — он указал на Вихинга.

— Не знаю я здесь другого архиепископа, кроме Мефодия. А тот немецкий священник, на которого ты показал, был при мне посвящен всего лишь в епископы.

Святополк зло взглянул на Вихинга.

— Так это твое письмо поддельное? — тихо спросил он.

Вихинг смотрел в сторону.

— Ну раз так, читай дальше, — обратился князь к посланнику.

Дальше было ясно и без письма.

— Никакое другое послание от нас к Святополку не было писано. Только одно послание верно: то, что привез Мефодий.

Посланник еще не дочитал до конца, а многие, опустив головы, стали расходиться, чтобы не попасть под тяжелую руку князя.

О позоре Вихинга узнал народ, собравшийся вокруг замка. Люди требовали выдать им Вихинга, но тот спрятался в княжеских подвалах, и князь не выдал его.

Незнакомые люди в тот день обнимали друг друга на улице, смеялись и плакали от радости.

Последние силы

стал Мефодий от трудно прожитой жизни.

Он еще боролся. Хотел, чтобы каждый славянин знал свой язык, умел читать на нем книги. Почти в каждом селении были его ученики.

Но при Святополке оставался Вихинг. Казалось, все поняли, что лживый Вихинг — яростный враг славянского просвещения. Но князю не было дела до просвещения и до народа. Он держал хорошее войско, в сражениях ему везло.

...Перед смертью Мефодия потянуло на родину.

Патриарх Фотий и царь Василий давно приглашали его в столицу. Но Византия была далеко, а силы его уходили с каждым днем.

Все же он съездил на родные места.

Постоял у могилы отца и матери под Солунью на берегу моря. Навестил Олимп. Приехал в Константинополь.

Почти двадцать лет не видел он столицы. Город остался тем же, только знакомые люди состарились.

Постарел и Фотий. Не было уже мощной горделивости в царе.

Патриарх и Мефодий, два старика, подошли к роскошному дворцу. Там жил незнакомый Мефодию вельможа.

— Сорок лет назад в этом доме у логофета Феоктиста воспитывался юный Константин, — сказал Фотий.

Потом они вышли на тихую скромную улочку.

— А здесь он жил, когда вернулся от хазар и создавал азбуку, — Фотий улыбался с грустью.

Василий давно уже забыл о забавах и веселых ночах.

Во дворце был строгий порядок, трезвая жизнь.

Наследник престола увлекался писанием стихов. Он любил ходить по городу переодетым в простую одежду. Однажды ночью его остановила стража и отвела в тюрьму, признав за бездомного бродягу. Он был горд этим приключением.

— Хочу тебя предупредить, — сказал Фотий перед входом во дворец, — не вспоминай имена погибших от руки императора. В последние годы его мучают недобрые сны. Он все чаще пытается вызвать души умерших, чтобы вымолить у них прощение.

В Византию Мефодия сопровождали два ученика: Константин и Григорий. Они привезли с собой немало славянских книг. Эти книги принялись немедленно переписывать каллиграфы — византийские славяне тоже нуждались в них.

Назад Мефодий ехал один. Его ученики, Константин и Григорий, остались в столице еще, хотели углубить свои познания.

Через несколько лет они переехали в Болгарию и стали известными писателями. Одного звали Константин Преславский, другого — Григорий Пресвитер Мних.

Не ожидал Мефодий, что так быстро иссякнет жизнь, уйдет уверенная твердость из рук.

Хотелось умереть на родине. Поехать на Олимп и там прожить в спокойных раздумьях последние месяцы.

Но он дал слово своим ученикам вернуться.

Мефодий возвратился в Велеград летом 884 года.

Там он удалился от шума и вместе с любимыми своими учениками перевел на славянский те книги, которые намечал перевести еще Константин Философ.

Он уже с трудом поднимался с постели и писать сам не мог. Рядом сидели два священника-скорописца, Мефодий им диктовал. Уставал один, принимался записывать другой.

Мефодий спешил: надо было успеть осуществить задуманное.

Таяли снега.

Апрельское солнце нагревало крыши, и от них к небу поднимался

легкий пар. Работа была закончена. Любимые ученики не покидали Мефодия. Он подозвал к себе двоих: Горазда и Климента.

— Тебе, Горазд, как и прежде, я поручаю наше дело здесь, на моравской земле. А тебя, Климент, я знаю, притягивает Болгария. Иди же туда, после моей смерти ты надобен там.

4 апреля 885 года, в Вербное воскресенье, за три дня до смерти, Мефодий попросил учеников перенести его в церковь.

Церковь была заполнена народом. Вокруг нее тоже стояли люди. Не пришел лишь князь Святополк.

В тот день Мефодий обратился к моравскому народу с прощальным словом.

Он предупреждал о тяжелых испытаниях, которые придется перенести в будущем.

— Я не молчал из страха, — говорил он, — я всегда бодрствовал на страже и теперь говорю вам: будьте осторожны, охраняйте сердца ваши и братьев ваших... Дни мои сочтены... Не страшитесь тех, которые хотя и убивают тело, но не могут погубить душу... Вы им противостойте!

13 лет назад в чужом Риме поклялся он умирающему брату довести до конца борозду на поле славянского просвещения и жил до тех пор, пока не была закончена та борозда.

6 апреля хоронил народ своего учителя.

Никого так прежде не провожали в Велеграде: ни князя, ни знатного воина. Плакали ученики, плакали жители, пришедшие из деревень, плакали горожане.

Лишь на год пережил Мефодия император Василий.

Во время охоты он выследил оленя колоссальных размеров. Василий выстрелил из лука, и впервые стрела не попала в цель.

Рассвирепевший олень бросился на знатного всадника, поддел его рогами под шитый золотом пояс и сорвал с седла.

16 миль он тащил тело императора на своих рогах, цепляя его за кусты и ветки деревьев.

Наконец одному из стражников удалось перерубить царский пояс мечом, и царь Василий упал без сознания на землю. Олень же унесся в горы.

Придя в себя, Василий приказал арестовать спасителя и подвергнуть его пыткам. Он решил, что стражник поднял меч не для того, чтобы спасти своего василевса, а чтобы убить его.

Через десять дней Василий умер.

Не стало Мефодия, и Вихинг захватил церковную власть.

В то время в Риме снова сменился папа.

Вихинг направлял туда один донос за другим.

Новый папа поверил другу управителя Моравии и Паннонии.

«Много мы удивляемся, слыша, что Мефодий стремился к лжеуче-

нию, — писал папа в своем послании, — и если это так, то мы осуждаем его заблуждения».

Оттуда, из Рима, снова, и теперь уже на несколько веков, пришел запрет на славянские книги в Моравии.

А в Велеграде, столице моравских славян, полетели эти книги в огонь.

Ученики Кирилла и Мефодия сопротивлялись. Их поддерживал народ.

В любой момент могло начаться восстание.

Ночью княжеские воины врываются в дома сторонников народного просвещения. Воинами руководил Вихинг.

Стариков избивали без пощады, требовали от них отречения.

Молодых продавали в рабство.

В одной только Венеции византийский посол выкупил около двухсот учителей моравского народа. Посол увез их на корабле в Константинополь, а оттуда они перешли в Болгарию, чтобы продолжить дело Кирилла и Мефодия.

Самых близких к братьям учеников: Горазда, Климента, Ангелария, Наума и Лаврентия — заковали в цепи и истязали в темнице.

Потом немецкие воины, приставив к их спинам копья, гнали учеников из города.

Изгнанные из Велеграда ученики стали совещаться.

— Надо уходить за пределы страны нам всем, — уговаривал Ангеларий. — Моравия не единственная земля, где живут славяне.

И хотя Горазд был согласен с ним, понимал, что просвещение можно продолжать и в других землях славян, не мог он покинуть Моравию в эти страшные дни.

— Я останусь здесь, как завещал мне учитель. Останусь, даже если сегодня вечером суждено мне погибнуть, — сказал Горазд. — Вы идите в Болгарию, а я соберу уцелевшие книги и, если буду жив, продолжу дело Мефодия.

Трудно было прощаться ученикам.

Трое: Климент, Наум и Ангеларий — пошли к Дунаю. Двое: Горазд и Лаврентий — повернули назад.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

олгарию считали когда-то дикой страной, а про болгарский народ рассказывали, что живет он скотоподобно. Еще недавно в Риме и Константинополе потешались над письмом болгарского царя Бориса к римскому папе. Советовался Борис, в какое время дня его народу положено есть и пить, какие блюда готовить, как следует вести себя дома и в гостях, просил прислать выкройку штанов.

Прошло лишь двадцать лет, и стала Болгария мощной державой.

Царь Симеон пригласил лучших мастеров и украсил свою столицу Преслав.

Болгарские писатели перевели на родной язык с греческого да латыни лучшие книги мира. А были те писатели учениками знаменитых братьев. И каждый из учеников становился учителем болгарского народа. Один лишь Климент, поселившийся в Охриде, обучил грамоте больше трех с половиной тысяч человек. Создавались болгарские стихи, болгарские повести. Болгарский народ спешил записать свою историю. Даже царь Симеон писал книги.

Те годы назвали золотым веком болгарской литературы.

Но не только для литературы это был золотой век. Был он золотым и для всего государства болгарского.

А в это время соседнюю Моравию топтали чужеземные племена. После смерти Святополка Вихинг стал первым министром немецкого императора Арнульфа. От Рима он требовал новых постановлений. Никак не удавалось ему истребить в Моравии славянские книги.

И Рим проклинает те книги. Сначала книги, а потом самого Мефодия и его учеников. Уже никто из римских священников не отзывается о Мефодии уважительно. Для них он отвергнутый Богом, еретик.

Но появляются тайно у моравских славян новые книги.

Смерти подвергал Вихинг тех, кто писал знаками, изобретенными Кириллом и Мефодием.

Тогда в Моравии возникли новые знаки: вместо буквы «аз», например, крест. А если приглядеться к ним, выписаны они из кирилловых букв, лишь крючки к ним подрисованы да петельки.

Ходит по моравской земле неуловимый Горазд. Вихинг топчет народное просвещение, старается загасить его, а Горазд поддерживает. И кажется уже выживающему из ума Вихингу, что в каждом селе живет свой Горазд, что не один Горазд продолжает дело Мефодия, а сколько славян, столько и Гораздов. «Всех бы их растоптать!» — мечтает Вихинг, лучший друг покойного моравского князя Святополка, и натравливает на моравов кочевые племена, сам приходит с войсками, выжигает моравские земли.

И повелось с тех пор в римской католической церкви называть Мефодия еретиком, проклинать его из года в год.

«Никто да не дерзнет совершать Божественные службы на славянском языке, но лишь на латинском и греческом, равно как ни один славянин не может быть возводим в священнический сан», — писали римские папы в своих постановлениях.

Но славянские народы продолжали бороться и отстаивать свой язык.

Лишь когда церковь поняла, что не справиться ей с целыми народами, решила она признать их язык, а обоих братьев назвала святыми. Случилось это через пятьсот лет после смерти Мефодия, в 1380 году.

Поднималось солнце над великим государством Русским.

И в славном Новгороде, что стоит на светлой реке Волхов, шестилетний мальчик рисовал на бересте всадника и старательно выписывал рядом имя свое — Онфиме. А в стольном граде Киеве первые грамотные русичи, чьи имена не угадать теперь за тьмою веков, спешили записать предания своей земли. И по их трудам историки — летописцы Никон да мудрый Нестор создавали «Повесть временных лет».

И расцветала грамотность в городах и селах государства русичей. И каждый, кто учился азбуке, хранил в памяти имена первых учителей славянских: Кирилла да брата его — Мефодия.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
Серия «Твой кругозор»

Воскобойников Валерий Михайлович

Завет Кирилла и Мефодия

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Зав. редакцией *В. И. Егудин*

Редактор *Е. Г. Таран*

Художественный редактор *Т. В. Глушкова*

Технический редактор *С. Н. Терехова*

Компьютерная верстка *Э. Н. Малания*

Корректоры *Е. В. Барановская, И. А. Григалашвили*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.
Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать с оригинал макета 25.09.09.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 7,6.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 29087.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, 41.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 59. www.sarpk.ru

Т В О Й К Р У Г О З О Р

В. М. Воскобойников

ЗАВЕТ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

ВЕЛИКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И ПРОПОВЕДНИКИ
ХРИСТИАНСТВА БРАТЯ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ
ПОЧИТАЕМЫ В РАЗНЫХ СТРАНАХ. СОЗДАННЫЕ
ИМИ АЗБУКА И ПИСЬМЕННОСТЬ СПОСОБСТВОВАЛИ
РАЗВИТИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ, ИХ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
И СТРЕМЛЕНИЯ К НЕЗАВИСИМОСТИ.

«Твой кругозор» — это проверенные временем традиции научно-познавательной литературы для детей. В серию вошли лучшие книги по гуманитарным и естественно-научным предметам, написанные российскими и зарубежными авторами. Книги серии позволят вам расширить кругозор, повысить свой образовательный уровень и стать знатоками в различных областях знаний.

МАТЕМАТИКА РУССКИЙ ЯЗЫК ФИЗИКА ГЕОГРАФИЯ
ИСТОРИЯ БИОЛОГИЯ ХИМИЯ

ISBN 978-5-09-020409-5

9 785090 204095